
АНАТОМИЯ
ЧУДОВИЩА
ДЕНИС ВИЛЬБАСТЕ
18+

Денис Вильбасте

Анатомия чудовища

«Автор»
2026

Вильбасте Д.

Анатомия чудовища / Д. Вильбасте — «Автор», 2026

У каждого человека есть граница, за которой любовь начинает говоритьголосом власти. Иногда к этой границе подходят незаметно. Иногда переступаютеё добровольно — с ясным взглядом, открытым сердцем и полной уверенностьюв своём выборе. Эта книга — не приговор необычной близости и не попыткаоправдать жестокость. Это история о доверии, которое может стать величайшимдаром, и о соблазне принять подаренную власть за право обладать другимчеловеком без остатка. Анна Рид не ищет спасителя. Она хочет вновьпочувствовать себя живой, любимой, нужной — и сама выбирает путь, которыйдля многих останется непонятным. Ричард Эшфорд умеет быть заботливым инежным. Но чем больше ему доверяют, тем сильнее становится его страхпотерять то, что он считает своим. Мне было важно не судить этих двоих, ауслышать их: радость добровольного подчинения, сладость власти, страходиночества, боль сомнений. Показать, как близко друг к другу могут стоятьзабота и контроль, свобода и зависимость.

© Вильбасте Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

АНАТОМИЯ ЧУДОВИЩА 5
Предисловие 6
Глава I. Дом, в котором всё было прекрасно 7
Глава II. Танцовщица из фарфора 20
Глава III. Вещи, которые выбирают за нас 31
Глава IV. Золотая клетка 36
Глава V. Власть голоса 46
Глава VI. Предложение 55
Глава VII. Правила игры 66
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Анатомия чудовища

АНАТОМИЯ ЧУДОВИЩА

Денис Вильбасте
Психологический роман · 2026

Предисловие

У каждого человека есть граница, за которой любовь начинает говорить голосом власти. Иногда к этой границе подходят незаметно. Иногда переступают её добровольно — с ясным взглядом, открытым сердцем и полной уверенностью в своём выборе. Эта книга — не приговор необычной близости и не попытка оправдать жестокость. Это история о доверии, которое может стать величайшим даром, и о соблазне принять подаренную власть за право обладать другим человеком без остатка. Анна Рид не ищет спасителя. Она хочет вновь почувствовать себя живой, любимой, нужной — и сама выбирает путь, который для многих останется непонятным. Ричард Эшфорд умеет быть заботливым и нежным. Но чем больше ему доверяют, тем сильнее становится его страх потерять то, что он считает своим. Мне было важно не судить этих двоих, а услышать их: радость добровольного подчинения, сладость власти, страх одиночества, боль сомнений. Показать, как близко друг к другу могут стоять забота и контроль, свобода и зависимость. Возможно, главный вопрос этой истории — не кто из героев чудовище. А сумеет ли любовь остаться любовью, когда один человек получает власть над другим?

Денис Вильбасте

Глава I. Дом, в котором всё было прекрасно

Будильник зазвонил в шесть сорок. Анна проснулась за несколько секунд до первого сигнала, словно её тело, привыкшее когда-то подчиняться строгому расписанию репетиций, до сих пор хранило в себе какую-то невидимую дисциплину. Она лежала на спине, глядя в потолок маленькой съёмной квартиры, и прислушивалась к шуму дождя за окном. Сегодня многое могло измениться.

Эта мысль пришла первой, ещё до того, как она окончательно проснулась, и вызвала странное чувство: смесь надежды, тревоги и почти детского суеверного страха. Анна боялась слишком сильно чего-нибудь желать. Жизнь уже научила её, что самые большие разочарования обычно начинаются именно с надежды. Она по-вернула голову.

На стуле возле окна висела приготовленная с вечера одежда: тёмно-синяя юбка до колен, кремовая блузка и лёгкий жакет. На полу стояли тщательно начищенные чёрные туфли. Всё было готово. Оставалось только понравиться человеку, которого она никогда прежде не видела.

Анна потянулась, осторожно выпрямляя правую ногу. В голеностопном суставе привычно отозвалась тупая, тянущая боль. Она поморщилась.

— Ну только не сегодня, — тихо сказала она собственной ноге. Когда-то эта нога умела гораздо больше. Когда-то она подчинялась музыке с такой точностью, что Анне казалось: между желанием двигаться и самим движением не существует никакой границы. Теперь иногда болело даже после долгой прогулки. Впрочем, она научилась не жаловаться. Жалобы ничего не меняли.

Анна села на кровати, убрала с лица длинную прядь чёрных волос и посмотрела на часы. Шесть сорок две. Собеседование было назначено на десять. До загородного особняка предстояло добираться почти полтора часа. Она встала.

Квартира встретила её обычной утренней прохладой. Старые окна плохо удерживали тепло, а отопление хозяин обещал проверить уже второй месяц подряд. Маленькая кухня, узкая прихожая, ванная, где едва помещались душевая кабина и стиральная машина. Всё здесь было временным, чужим, случайным. Иногда Анне казалось, что вся её взрослая жизнь состояла из временных вещей.

Временная работа. Временное жильё. Временные знакомые. И даже счастье, когда оно случалось, почему-то никогда не задерживалось надолго. Она поставила чайник и включила телефон.

На экране светилось вчерашнее письмо. «Уважаемая мисс Рид. Мистер Эшфорд готов принять вас на личное собеседование в четверг, в 10:00. Просим прибыть точно к назначенному времени. Адрес прилагается».

Ниже стояла подпись помощницы. Никаких лишних слов. Никаких пожеланий удачи. Анна перечитала письмо, хотя уже знала его наизусть. Затем открыла объявление о вакансии.

«Требуется экономка с проживанием в частном загородном доме. Постоянная занятость. Обязанности: поддержание порядка, уход за интерьером и гардеробом, организация бытовых процессов, сервировка и обслуживание

частных приёмов. Предоставляются отдельное проживание и питание. Высокая заработная плата. Конфиденциальность обязательна».

Заработная плата действительно была высокой. Настолько высокой, что Анна несколько раз проверяла объявление, пытаясь по-нять, где скрывается подвох. Она не была наивной. За последние годы ей довелось работать администратором небольшой гостиницы, помощницей управляющей, заниматься уборкой частных квартир и организацией домашнего хозяйства у состоятельной пожилой пары.

Она знала цену собственному труду. Но предложение Эшфорда превышало всё, на что она могла рассчитывать. И самое главное — жильё. Не нужно будет каждый месяц с тревогой смотреть на календарь. Не нужно выбирать между покупкой зимнего пальто и оплатой аренды. Можно будет откладывать деньги.

Возможно, когда-нибудь снова поехать к морю. Возможно, перестать бояться завтрашнего дня. Анна закрыла объявление.

— Только бы получилось, — прошептала она. И отправилась в ванную.

* * *

После душа она долго стояла перед зеркалом. На ней было новое чёрное нижнее бельё, купленное накануне в небольшом магазине неподалёку от дома. Комплект из гладкой матовой ткани с тонкой кружевной отделкой

— аккуратный бюстгальтер и такие же трусики. Ничего вызывающего. Ничего особенно дорогого.

Чёрный был её любимым цветом. Анна любила его не за строгость и не за попытку казаться загадочной: в чёрном она чувствовала себя собранной, уверенной, красивой. Этот цвет не требовал объяснений. Но для Анны даже такая покупка казалась маленькой роскошью. Она редко позволяла себе подобные вещи.

Обычно, оказавшись в магазине, она первым делом смотрела на ценники, потом на собственный банковский счёт и в конце концов убеждала себя, что вполне может обойтись тем, что уже есть. Вчера произошло иначе. Она долго держала комплект в руках, сомневалась, возвращала на полку, снова брала.

А потом неожиданно подумала: «Мне тридцать лет. Неужели я даже красивое бельё должна покупать только тогда, когда окончательно износится старое?» И заплатила. Теперь она рассматривала себя в большом зеркале, словно пытаясь оценить покупку чужими глазами. Анна была красивой женщиной.

Не той броской красотой, которая заставляет людей оборачиваться на улице, а красотой более спокойной, которая открывалась постепенно. У неё было овальное лицо с мягкими, правильными чертами, большие серо-зелёные глаза, прямой нос и выразительный рот с немного печальным изгибом губ.

Густые чёрные волосы доходили почти до середины спины. Обычно она собирала их в пучок или высокий хвост, но сейчас они лежали свободно, ещё влажные после душа. Её фигура сохраняла следы прежней профессии. Тонкая талия, аккуратная грудь, плавная линия бёдер, длинные ноги, стройные руки с едва заметно обозначенными мышцами.

Она не была чрезмерно худой. В её теле сохранилась женственная мягкость, которой не было в годы самых изнурительных тренировок. Но главное заключалось в осанке. Даже стоя босиком на холодном кафеле, Анна держалась так, словно где-то рядом находился невидимый преподаватель, готовый поправить положение плеч или подбородка. Спина прямая. Шея вытянута.

Плечи опущены. Подбородок чуть приподнят. Привычка, приобретённая в детстве, оказалась сильнее времени. Анна повернулась боком. Небольшой шрам возле правой лодыжки напоминал о травме.

Она опустила глаза. Всё остальное тело ещё помнило танец. Эта нога — нет. Когда-то её называли перспективной. Преподаватели говорили, что у неё редкое сочетание музыкальности, природной пластики и необыкновенного трудолюбия. Ей прочили сцену.

Она верила. Боже, как же сильно она верила. Анна оперлась ладонью о край раковины. В памяти возник репетиционный зал: высокие окна, потемневший деревянный пол, запах разогретого тела и канифоли, знакомый до боли голос педагога.

«Анна, ещё раз. Вы можете лучше». И она делала ещё раз. И ещё. И ещё. Пока однажды не произошёл тот злосчастный момент, после которого вся жизнь разделилась на две неравные части. До травмы.

И после. Она долго лечилась, проходила восстановление, надеялась вернуться. Потом врач осторожно произнёс то, что она уже начинала понимать сама. Прежних профессиональных нагрузок нога больше не выдержит. Анна тогда не заплакала.

Она поблагодарила врача, вышла из кабинета и даже сумела улыбнуться медсестре. А вечером сидела на полу своей комнаты, обняв колени, и впервые в жизни не понимала, зачем ей просыпаться на следующее утро. С тех пор прошло несколько лет. Она научилась жить. Но научиться не скучать по сцене оказалось значительно труднее.

Анна вновь посмотрела в зеркало. — Зато ты всё ещё ничего, — произнесла она с грустной усмешкой. Подняла руки, повернулась, оценивая посадку нового белья. Чёрное кружево красиво выделялось на коже. Тёмная ткань подчёркивала линии фигуры. Комплект действительно сидел хорошо. Она неожиданно улыбнулась своему отражению. Впервые за долгое время ей захотелось быть красивой просто для себя. Не для мужчины.

Не для случайных взглядов. Не для того, чтобы кому-то что-то доказывать. Просто потому, что она ещё была молодой женщиной и имела полное право нравиться самой себе.

«Мама сказала бы, что я опять трачу деньги на глупости». При этой мысли улыбка исчезла. Мать умерла после долгой болезни. Анна до сих пор помнила запах больничных коридоров, бесконечные ожидания результатов анализов и то мучительное чувство беспомощности, когда понимаешь, что готов отдать всё на свете, лишь бы дорогой человек прожил ещё немного, но от тебя уже ничего не зависит. Они были вдвоём почти всю её жизнь.

Отец исчез так рано, что Анна не сохранила о нём ни одного настоящего воспоминания. Родственники существовали где-то далеко, лишь номинально, и после смерти матери никто из них не по-пытался стать ей ближе. Семьи у Анны не было. Мужа тоже. Детей она не родила.

Временами одиночество представлялось ей свободой, временами — огромной пустой комнатой, в которой слышится только собственное дыхание. Она провела пальцами по влажным волосам.

— Ну что, мама, — тихо сказала она, — пожелай мне удачи.

И начала одеваться.

* * *

К девяти пятнадцати Анна уже сидела в пригородном поезде, следовавшем из Лондона в графство Суррей. Дождь прекратился. За окнами тянулись мокрые улицы, постепенно уступавшие место зелёным склонам, небольшим станциям и редким частным домам. Анна сидела возле окна, держа сумочку на коленях.

Внутри лежали паспорт, резюме, рекомендации от прежних работодателей, маленькая косметичка и блокнот. Она заранее приготовила ответы на возможные вопросы. Почему ушла с предыдущего места? Потому что хозяйка переехала к сыну. Почему хочет работать с проживанием?

Потому что это удобно и позволит больше внимания уделять обязанностям. Не смущает ли её большой объём работы? Нет, она привыкла трудиться. Готова ли соблюдать конфиденциальность? Разумеется.

Анна мысленно повторяла эти ответы и всякий раз находила в них что-нибудь неудачное. Слишком сухо. Слишком просто. Слишком заученно. Она испытывала странный страх перед богатыми людьми.

Не зависть и даже не робость. Скорее ощущение, что они существуют в мире с совершенно иными правилами, которые нигде не записаны, но нарушение которых замечается мгновенно. В гостинице, где она когда-то работала, состоятельные постояльцы нередко разговаривали с персоналом так, словно тот был частью мебели. Они не обязательно грубили.

Напротив, некоторые были безупречно вежливы. Просто смотрели сквозь человека. Анна терпеть не могла этого ощущения. Но деньги были нужны. А гордость, как она уже успела убедиться, совершенно не помогала оплачивать счета.

На небольшой станции за городом она вышла из поезда. До указанного адреса оставалось несколько километров. Анна вызвала такси. Водитель, пожилой мужчина с усталым лицом, взглянул на адрес в телефоне и присвистнул.

— К Эшфорду, что ли? — Да. Вы знаете этот дом? — Кто ж его не знает. — А что с ним не так? Мужчина посмотрел на неё в зеркало заднего вида. — Да всё с ним так. Просто дом большой. Очень большой. — Я еду на собеседование. — Работать будете? — Если возьмут. Водитель кивнул. — Ну, тогда удачи. Почему-то после этих слов Анне захотелось задать ещё один вопрос. Но мужчина уже включил радио, и разговор закончился. Дорога становилась всё уже. С обеих сторон поднимались старые деревья. Между ними виднелись ухоженные участки, высокие ограды, отдельные дома, спрятанные за зеленью. Потом лес неожиданно расступился.

И Анна увидела ворота.

* * *

Особняк Эшфорда стоял на небольшом возвышении за высокой кованой оградой. Ворота были тяжёлыми, чёрными, с изящным геометрическим узором. По обеим сторонам возвышались каменные столбы, увенчанные декоративными фонарями. За ними начиналась широкая подъездная аллея, обрамлённая ровно подстриженными кустарниками. На расстоянии нескольких сотен метров виднелся сам дом.

Анна невольно подалась вперёд. Она ожидала увидеть большой современный коттедж. Но перед ней возвышалось настоящее загородное имение. Трёхэтажное здание из светлого камня с высокими окнами, массивными колоннами у главного входа и широкими террасами. Центральная часть выступала вперёд, образуя торжественный фасад. По сторонам располагались два симметричных крыла.

Крыша была покрыта тёмной черепицей. Перед домом находился круглый фонтан, окружённый клумбами с осенними цветами. Даже в пасмурный день особняк выглядел великолепно.

— Ничего себе, — невольно произнесла Анна. Водитель усмехнулся. — Я же говорил. У ворот находилась небольшая охранная будка. Мужчина в форме вышел навстречу автомобилю. Анна опустила стекло.

— Доброе утро. Меня зовут Анна Рид. Я на собеседование к мистеру Эшфорду. Охранник взглянул в планшет. — Мисс Анна Рид? — Да. — Вас ожидают. Он кивнул водителю. Ворота медленно разошлись. Такси двинулось по аллее. Анна смотрела по сторонам. Газоны были подстрижены с удивительной тщательностью. Ни одной сухой ветки, ни одного забытого садовником инструмента, ни одного случайного предмета.

Даже опавшие листья, несмотря на осень, почти не лежали на дорожках. Чем ближе они подъезжали к дому, тем сильнее Анна ощущала несоответствие между привычным миром, из которого приехала, и тем, что открывалось перед ней. Она вспомнила облупившуюся краску на кухонном потолке своей квартиры.

А здесь даже каменная лестница выглядела так, словно её ежедневно мыли и полировали. «Интересно, сколько человек нужно, чтобы содержать всё это в порядке?» Машина остановилась. Анна расплатилась, поблагодарила водителя и вышла. Воздух пах мокрой хвоей, камнем и свежестью.

Она поправила жакет, проверила сумочку и медленно поднялась по широким ступеням. Не успела она дотронуться до дверного звонка, как дверь открылась. На пороге стояла женщина лет шестидесяти пяти — семидесяти в строгом сером костюме. Седые волосы были собраны в аккуратный узел. Лицо казалось спокойным, почти неподвижным.

— Мисс Анна Рид? — Да, здравствуйте. — Доброе утро. Меня зовут Маргарет Хейл. Проходите, пожалуйста. Мистер Эшфорд ожидает вас.

Анна переступила порог. И остановилась. Перед ней простирался огромный

холл. Пол был выложен светлым мрамором с тёмными геометрическими вставками. В центре с высокого по-толка спускалась хрустальная люстра. Две широкие лестницы плавно расходились по сторонам и соединялись на галерее второго этажа. На стенах висели картины в массивных рамах.

У дальней стены стояли старинные часы. Тяжёлые шторы обрамляли высокие окна, за которыми виднелся сад. Здесь было тихо. Так тихо, что Анна отчётливо услышала собственные шаги. Она посмотрела на мраморный пол.

Туфли казались неуместно громкими. — Красиво, правда? — спросила Маргарет Хейл. — Очень. — Мистер Эшфорд уделяет большое внимание интерьеру. Он любит, когда всё находится на своих местах.

Анна улыбнулась. — Полагаю, для экономки это хорошая новость. Женщина посмотрела на неё. На мгновение Анне показалось, что та собирается что-то ответить, но вместо этого лишь слегка улыбнулась.

— Пойдёмте. Я провожу вас. Они прошли через холл и свернули в длинную галерею. Анна заметила несколько закрытых дверей, небольшие скульптуры в нишах, огромные зеркала в позолоченных рамах. Ни пылинки. Ни случайно оставленной книги. Ни брошенного на кресло пледа.

Дом производил впечатление безупречно подготовленной выставки. И всё же в нём чего-то недоставало. Анна не сразу поняла чего. Следов жизни. Здесь не было ничего, что обычно выдаёт присутствие человека: чашки с недопитым кофе, открытого журнала, забытых очков, небрежно отодвинутого стула.

Даже цветы в вазах выглядели так совершенно, словно были искусственными. Она невольно подумала, что в таком доме страшно что-нибудь уронить. Маргарет Хейл остановилась возле двустворчатой двери.

— Одну минуту. Она постучала. Изнутри раздался мужской голос: — Войдите.

* * *

Мужчина стоял у окна. Он обернулся не сразу. Сначала положил на небольшой столик книгу, которую держал в руках, потом по-вернулся к вошедшим.

— Доброе утро, Анна. Голос был негромким, приятным, хорошо поставленным. Анна сделала шаг вперёд.

— Доброе утро. — Благодарю, Маргарет. Дальше я сам. Женщина кивнула и вышла. Дверь закрылась. На несколько секунд воцарилась тишина. Анна успела внимательно рассмотреть человека, от которого теперь зависело её трудоустройство. Ричарду Эшфорду на вид было около сорока пяти лет.

Он был высоким, стройным мужчиной с широкими плечами и той естественной уверенностью в движениях, которая часто бывает у людей, привыкших занимать главенствующее положение. Тёмные волосы, слегка тронутые сединой на висках, были аккуратно зачёсаны назад. Лицо — правильное, с выраженными скулами, прямым носом и тонкими губами.

Он не был красавцем в обычном понимании этого слова. Однако в его внешности присутствовало нечто более значительное, чем простая привлекательность. Порода. Сдержанность. Спокойствие человека, которому редко приходится повторять свои просьбы.

Особенно Анна отметила глаза. Серые, холодноватые, внимательные. Они смотрели прямо, не суетясь, и создавали ощущение, будто собеседник не просто слушает, а одновременно оценивает каждую мелочь. На мужчине были тёмные брюки, белая рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей и тонкий кашемировый кардиган. Никаких броских украшений.

Только дорогие часы на запястье. — Прошу вас, присаживайтесь. Он указал на кресло у небольшого столика. Анна села. Эшфорд занял кресло напротив.

— Надеюсь, дорога не доставила вам неудобств? — Нет, благодарю. Я приехала даже немного раньше. — Это хорошо. Я ценю пунктуальность. Он произнёс фразу совершенно доброжелательно. — Чай? Кофе? — Чай, если можно. — Разумеется. Эшфорд нажал небольшую кнопку на столике и коротко распорядился принести чай. Анна огляделась. Комната оказалась чем-то средним между гостиной и библиотекой. Вдоль одной стены располагались книжные шкафы, напротив стоял камин. Возле окон — два кресла и низкий столик. Из помещения открывался вид на сад.

— Вы любите читать? — спросил хозяин, заметив её взгляд. — Да. — Что именно? Вопрос застал её врасплох. — Разное. В основном классику. Иногда исторические романы. — Достоевского? Анна улыбнулась. — Да. Хотя он не из тех писателей, которых читаешь для отдыха. Эшфорд слегка приподнял брови. — А для чего, по-вашему, его читают? Она задумалась. — Наверное, чтобы лучше понимать людей. Особенно ту их часть, которую они стараются скрывать.

Он посмотрел на неё с неожиданным интересом. — Любопытное замечание. И несколько секунд молчал. Анна почувствовала лёгкое смущение. «Кажется, я сказала что-то слишком претенциозное». Но мужчина улыбнулся. — Простите. Просто мне редко доводится слышать такие ответы на собеседованиях.

— Надеюсь, это не плохо. — Напротив. Он открыл лежавшую перед ним папку. — Итак, Анна. Расскажите немного о себе.

Она начала говорить. О своей работе. Об опыте ведения домашнего хозяйства. О том, как занималась закупками, следила за чистотой, организовывала обслуживание небольших мероприятий, работала с поставщиками. Она старалась говорить спокойно, не слишком подробно.

Эшфорд слушал внимательно. Иногда задавал уточняющие вопросы. Ничего необычного. Обычное собеседование состоятельного работодателя с потенциальной сотрудницей. Затем его взгляд задержался на разделе резюме, посвящённом образованию.

— Вы занимались танцами? Анна ощутила знакомый укол. — Да. Раньше. — Профессионально? — Да. — Почему оставили сцену? Она немного помедлила. — Травма ноги. — Серьёзная? — Достаточно, чтобы завершить карьеру. — Простите за любопытство. — Ничего страшного. Он отложил лист. — Это многое объясняет. Анна подняла глаза. — Что именно? Эшфорд слегка улыбнулся. — Вашу осанку. Манеру двигаться. Вы вошли в комнату так, будто точно знаете, где находится центр тяжести вашего тела.

Анна невольно рассмеялась. — Профессиональная привычка. — Прекрасная привычка. Он продолжал смотреть на неё. Теперь чуть внимательнее. — Вы знаете, Анна, большинство людей совершенно не умеют пользоваться собственным телом. Они сутулятся, делают ненужные движения, садятся как попало. И даже не замечают, насколько неэстетично это выглядит.

Она осторожно улыбнулась. — Наверное, каждый человек двигается так, как ему удобно. Эшфорд несколько секунд молчал. — Удобство, — задумчиво повторил он. — Да. Удобство стало главным оправданием нашего времени.

Он произнёс это без раздражения, почти с философской печалью. — Люди перестали стремиться к красоте, потому что красота требует усилий. А усилия теперь считаются чем-то необязательным.

Анна не знала, что ответить. Ей показалось странным, что разговор о работе экономки так неожиданно перешёл на эстетику человеческого тела. Но Эшфорд уже сменил тему.

— Вы не замужем? — Нет. — Дети? — Нет.

— Близкие родственники? Анна опустила взгляд на чашку, которую только что принесла Маргарет. — Мама умерла. Близких родственников у меня нет. — Сожалею. Он произнёс это тихо и вполне искренне. — Спасибо. — Вы живёте одна? — Да. Эшфорд кивнул и сде-

лал небольшую пометку. Анна заметила это движение. — Простите, а для чего вам нужна эта информация? Он поднял глаза. — Разумеется. Справедливый вопрос. Он отложил ручку. — Понимаете, работа предполагает проживание здесь. Я предпочитаю заранее выяснять, не возникнут ли у сотрудника семейные обстоятельства, из-за которых придётся постоянно отлучаться.

— Выходные ведь предусмотрены? — Конечно. Он улыбнулся. — Не подумайте, Анна, я вовсе не намерен лишать вас личной жизни. Она почувствовала себя немного неловко. — Я не это имела в виду. — И всё же я рад, что вы спросили. Эшфорд немного подался вперёд. — Мне нравятся люди, способные задавать вопросы. Гораздо хуже, когда человек соглашается со всем подряд, а потом оказывается, что он совершенно не понимает своих обязанностей.

Анна кивнула. Это звучало разумно. Более того, хозяин начинал ей нравиться. Он не держался высокомерно. Не перебивал.

Не пытался унизить её из-за социального положения. Напротив, разговаривал уважительно, без той искусственной доброжелательности, которую она привыкла замечать у некоторых работодателей.

«Возможно, мне действительно повезло».

* * *

— Теперь расскажу о доме, — сказал Эшфорд. Он поднялся. Анна последовала его примеру. — Здесь три этажа, но жилыми являются преимущественно первый и второй. Третьим мы почти не пользуемся. Есть гостевое крыло, зимний сад, библиотека, столовая, несколько салонов, кабинет и личные покои.

Они медленно вышли из комнаты. Эшфорд показывал помещения, спокойно рассказывая об их назначении. Анна старалась всё запоминать. В гостиной находился огромный рояль.

— Вы играете? — спросила она. — Немного. — Красивый инструмент. — Вам нравится музыка? — Очень. — Когда-то вы, вероятно, жили ею.

Анна посмотрела на хозяина. — Да. — Трудно было потерять возможность танцевать? Вопрос прозвучал неожиданно лично. Она помедлила. — Трудно. Но жизнь ведь на этом не заканчивается. — Разумеется. Он посмотрел на рояль. — Хотя некоторые утраты, вероятно, нельзя ничем заменить. Анна почувствовала странную благодарность. Большинство людей, услышав о её травме, обычно начинали говорить что-нибудь ободряющее.

«Главное — здоровье». «Зато теперь можете попробовать себя в другом». «Всё, что ни делается, к лучшему». Эти фразы раздражали её своей бессмысленностью. Эшфорд же не пытался утешать. Он просто признал, что потеря осталась потерей. И Анна неожиданно ощутила, что он понимает её лучше многих знакомых. Они прошли в столовую.

Длинный стол из тёмного дерева мог вместить не меньше двадцати человек. Над ним висели две хрустальные люстры. Вдоль стен стояли старинные буфеты с фарфором и серебром.

— Приёмы бывают нечасто, — пояснил хозяин. — Но когда случаются, я уделяю большое внимание деталям.

Он подошёл к столу. На нём стояла декоративная композиция из белых цветов. Эшфорд остановился. Посмотрел на вазу. Затем осторожно повернул её на несколько градусов.

Анна машинально проследила за движением. — Так лучше, — произнёс он. Она посмотрела на цветы. Ей показалось, что ничего не изменилось. — Вы очень внимательны к деталям, — заметила она. — Детали и есть всё, Анна. Он повернулся к ней. — Представьте прекрасную картину, в которой одна линия проведена неверно. На первый взгляд никто ничего не заметит. Но стоит вам увидеть ошибку, и вы уже не сможете смотреть ни на что другое.

— Наверное, это зависит от человека. — Возможно. Он улыбнулся. — Мне нравится совершенство. Анна рассмеялась. — Тогда вам, вероятно, непросто найти хорошую экономку. Эшфорд посмотрел на неё. И впервые за всё время собеседования его улыбка исчезла чуть быстрее, чем следовало бы.

— Да, — ответил он. — Непросто. Наступила короткая пауза. Потом он вновь улыбнулся. — Но я умею быть терпеливым. Анна почему-то запомнила эти слова. Не потому, что они показались ей угрожающими. Просто произнесены они были с необычной уверенностью. Словно терпение являлось не чертой характера, а инструментом, которым человек научился пользоваться с большим мастерством. Впрочем, уже через минуту она забыла об этом.

Они вошли в зимний сад. И Анна невольно ахнула. Под высокой стеклянной крышей росли пальмы, декоративные деревья и экзотические растения. Среди зелени журчал небольшой искусственный водопад. В центре стояли белые плетёные кресла. На фоне серого осеннего неба этот уголок выглядел почти сказочным.

— Как здесь красиво! Она произнесла это искренне, совершенно забыв о необходимости сохранять официальную сдержанность. Эшфорд наблюдал за ней.

— Вам нравится? — Очень. Здесь, наверное, чудесно сидеть с книгой. — Да. Особенно зимой. Анна подошла ближе к одному из растений. Её лицо оживилось. На несколько мгновений она забыла, что находится на собеседовании. Она снова стала просто женщиной, которая умеет радоваться красивым вещам. И Эшфорд смотрел на неё с таким неподвижным вниманием, что, обернись она в тот момент, вероятно, почувствовала бы себя неловко.

Но Анна рассматривала сад. — Вы сами выбирали растения? — спросила она. — Большинство. — У вас прекрасный вкус. — Благодарю. Он выдержал небольшую паузу. — Вы тоже производите впечатление человека, умеющего видеть красоту. Анна обернулась. — Спасибо. — Скажите, вы всегда так держите спину? Она удивилась. — Простите? — Вашу осанку. Это осталось после танцев или вы специально следите за ней? Анна пожала плечами. — Уже не замечаю. Наверное, привычка. — Не теряйте её. Он произнёс это мягко. И добавил: — Она вам чрезвычайно идёт. Анна слегка смутилась. Комплимент был довольно необычным, но сам по себе вполне безобидным.

— Постараюсь. Эшфорд улыбнулся. — Хорошо. И повёл её дальше.

* * *

Гостевые комнаты располагались в восточном крыле. Спальни были просторными, с большими кроватями, дорогими коврами и отдельными ванными комнатами. Анна мысленно подсчитывала объём уборки. Шесть гостевых спален. Три гостиные.

Столовая. Библиотека. Холлы. Лестницы. Коридоры. Это было слишком много для одного человека. Она решилась спросить: — Мистер Эшфорд, а сколько сотрудников обслуживает дом?

— Постоянно здесь находятся охрана и управляющая хозяйственными вопросами. Садовники приезжают по графику. Для генеральной уборки и больших приёмов мы привлекаем дополнительный персонал.

— То есть я не должна буду одна убирать все помещения ежедневно? Он посмотрел на неё с лёгким удивлением. — Конечно нет. Это было бы неразумно. Анна почувствовала облегчение. — Простите, просто дом очень большой. — Я понимаю. Они остановились возле широкого окна. За стеклом виднелся небольшой пруд, окружённый деревьями.

— Мне нужен человек, который будет отвечать за общее состояние дома, — продолжил Эшфорд. — Не просто выполнять механическую работу, но понимать, каким должен быть результат. Следить за бельём, одеждой, сервировкой, порядком в помещениях. Замечать то, что другие могут пропустить.

— Это мне понятно. — И ещё одно. Он повернулся к ней. — Для меня крайне важно, как человек относится к своему делу. Я не терплю небрежности.

— Я тоже. — Прекрасно. Эшфорд чуть склонил голову. — А как вы относитесь к замечаниям? Анна задумалась. — Если они справедливые, нормально. Все люди ошибаются. — Именно. Он произнёс это почти с удовольствием. — Все люди ошибаются. Вопрос лишь в том, готовы ли они исправлять свои ошибки.

— Разумеется. — Даже если им кажется, что никакой ошибки нет? Она посмотрела на него внимательнее. — Ну... тогда, наверное, нужно разобраться. — Разобраться? — Да. Выслушать друг друга. Эшфорд улыбнулся. — Очень дипломатичный ответ. Анна улыбнулась в ответ. — Я стараюсь. — Это полезное качество. Они двинулись дальше. Но теперь Анна думала о странном вопросе. «Даже если человеку кажется, что ошибки нет?» Что он хотел этим сказать? Может быть, у него был неприятный опыт с предыдущими сотрудниками?

Возможно, кто-то спорил с ним, отказывался выполнять обязанности, нарушал договорённости. Наверное, поэтому он так тщательно выбирает персонал. Это объяснение показалось ей вполне убедительным. И она успокоилась.

* * *

На втором этаже Эшфорд показал ей комнату, предназначенную для проживания экономки. Анна остановилась на пороге. Комната была больше её нынешней квартиры. Высокое окно выходило на сад. У стены стояла широкая кровать с мягким изголовьем. Рядом — прикроватные тумбочки с изящными лампами.

Напротив находились письменный стол и книжный шкаф. Имелся вместительный гардероб. За отдельной дверью располагалась собственная ванная. Всё было оформлено в спокойных светлых тонах.

— Это... для меня? — спросила Анна. — Если мы договоримся. — Очень красиво. Она подошла к окну. За ним виднелись деревья, дорожки и небольшая беседка возле пруда. Анна представила, как вечером сидит здесь с книгой. Как просыпается утром без шума машин и соседей за стеной. Как больше не нужно считать дни до оплаты квартиры. Ей вдруг очень захотелось остаться.

— Вам нравится? — спросил Эшфорд. — Да. Очень. — Я рад. Он подошёл к двери. — Единственное, о чём я прошу, — поддерживать здесь такой же порядок, как и в остальных помещениях.

— Конечно. — Я считаю, что окружающая человека обстановка влияет на его внутреннее состояние.

— С этим трудно поспорить. — Беспорядок порождает беспорядок. Анна улыбнулась. — Боюсь, в моей квартире сейчас далеко не так красиво. — Но ведь вам хочется, чтобы было красиво? — Конечно. — Значит, дело лишь в обстоятельствах. Она посмотрела на него с благодарностью. Ей понравилось, что он не стал задавать неприятных вопросов о её материальном по-ложении. Не пытался выяснять, почему тридцатилетняя женщина вынуждена искать работу с проживанием. Он словно понимал всё без объяснений.

— У каждого человека есть право начать жизнь заново, Анна, — неожиданно сказал Эшфорд.

Она обернулась. — Вы так считаете? — Безусловно. Он стоял возле двери, держа руки за спиной. — Иногда для этого достаточно оказаться в правильном месте. Анна посмотрела на светлую комнату. На сад. На аккуратно застеленную кровать. «Может быть, это и есть правильное место?» Она очень хотела в это поверить.

* * *

Когда они вернулись на первый этаж, часы в холле показывали одиннадцать двадцать. Собеседование продолжалось уже больше часа. Анна устала, хотя почти не замечала этого. Всё время приходилось следить за речью, жестами, осанкой, стараться не казаться ни слишком скромной, ни слишком самоуверенной. На лестнице она слегка оступилась.

Не сильно. Правая нога просто неожиданно отозвалась болью. Анна на мгновение ухватилась за перила. Эшфорд остановился.

— Что случилось? — Ничего. Старая травма. Он посмотрел на её ногу. — Вам больно? — Иногда. Когда долго хожу. — Понимаю. Анна выпрямилась. — Всё в порядке. Но Эшфорд не сразу продолжил движение. Его взгляд задержался на её лице. — Вам не следует терпеть

боль без необходимости. Она слегка улыбнулась. — Привычка. — Плохая привычка. Он сказал это неожиданно твёрдо. Потом выражение его лица смягчилось. — Если потребуется, мы организуем вам хорошего специалиста. Я знаю прекрасных врачей.

Анна растерялась. — Это очень любезно, но... — Не стоит благодарности. Он сделал шаг вниз. — Я предпочитаю, чтобы люди, работающие в моём доме, были здоровы. Анна подумала, что ей действительно повезло с работодателем. Затем он добавил:

— Болезнь и усталость всегда оставляют след на внешности. А этого лучше избегать.

Она подняла глаза. Странная фраза. Совершенно странная. Какое отношение имеет внешность к здоровью сотрудницы? Впрочем, Эшфорд уже спускался по лестнице, спокойно продолжая рассказывать о расположении хозяйственных помещений.

Анна последовала за ним. «Наверное, просто неудачно выразился». Человек, способный предложить помощь с лечением едва знакомой женщине, не мог иметь дурных намерений. Так она решила. И в тот момент не увидела никакой причины сомневаться.

* * *

Внизу их ожидала Маргарет Хейл. — Мистер Эшфорд, документы подготовлены. — Благодарю. Оставьте их у меня в кабинете. — Хорошо.

Женщина посмотрела на Анну. — Вам всё понравилось? — Очень. Дом прекрасный. — Да, — ответила Маргарет. И почему-то не добавила ничего больше. Эшфорд взглянул на часы. — Анна, полагаю, мы обсудили основные вопросы. У неё учащённо забилось сердце. Вот сейчас. Сейчас он скажет, что свяжется с ней позже. Что есть другие кандидатки. Что ему необходимо подумать.

Она заранее приготовилась вежливо поблагодарить за уделённое время. Но Эшфорд произнёс:

— Я хотел бы предложить вам эту должность. Анна замерла. — Правда? Он улыбнулся. — Разумеется. — Спасибо. Я... очень рада. — Это взаимно. Он протянул руку. Анна пожала её. Ладонь мужчины была тёплой и сухой. Рукопожатие — уверенным, но не слишком сильным.

— Надеюсь, наше сотрудничество окажется долгим, — сказал он. — Я тоже. — Прекрасно. Тогда осталось обсудить формальности. Он указал на дверь в конце коридора. — Прошу вас в мой кабинет.

* * *

Кабинет Ричарда Эшфорда отличался от остальных помещений дома. Если гостиные поражали роскошью, а спальни — безупречной красотой, то здесь чувствовалась власть. Настоящая, спокойная, не нуждающаяся в демонстрации. Стены были отделаны тёмными деревянными панелями.

По обеим сторонам огромного письменного стола возвышались книжные шкафы, заполненные изданиями в кожаных переплётах. На полу лежал толстый персидский ковёр глубокого бордового цвета. Большое окно выходило на заднюю часть сада, где среди деревьев виднелись каменные дорожки и небольшой декоративный пруд. У дальней стены располагался мраморный камин.

Над ним висел портрет мужчины в старинном костюме. Анна невольно задержала на нём взгляд. Человек с портрета удивительно напоминал хозяина дома. Та же форма лица. Тот же прямой нос.

И почти такое же выражение глаз. — Мой прадед, — пояснил Эшфорд. — У вас фамильное имение? — Нет. Сам дом построен значительно позже. Но некоторые семейные вещи я сохранил.

Он подошёл к письменному столу. Мебель была массивной, из-готовленной из тёмного дерева, отполированного до мягкого блеска. На столе находились кожаная папка, аккуратно сложенные документы, настольная лампа с зелёным стеклянным абажуром и тяжёлая металлическая подставка для ручек. Ни одной лишней бумаги. Ни одного случайного предмета.

Даже книги на небольшой боковой полке стояли в строгом по-рядке. За креслом хозяина на стене висела большая картина. Анна подошла немного ближе. На ней была изображена молодая женщина в белом платье, сидящая возле окна. Красота картины заключалась не столько в лице модели, сколько в её позе.

Женщина сидела неподвижно. Спина была идеально прямой. Руки сложены на коленях. Голова слегка повернута. И было в этой неподвижности нечто странное.

Словно художник запечатлел не живого человека, а прекрасную фарфоровую статуэтку.

— Нравится? — спросил Эшфорд. Анна посмотрела на него. — Очень искусная работа. — Но? Она растерялась. — Простите? — Вы хотели добавить «но». Анна смутилась. — Нет, просто... Он улыбнулся. — Говорите свободно. Она вновь посмотрела на картину. — Мне кажется, женщина на портрете немного грустная. Эшфорд перевёл взгляд на изображение. — Грустная? — Да. — Почему? Анна задумалась. — Не знаю. Наверное, из-за глаз. Или из-за того, как она сидит. — Как именно? — Очень неподвижно. Словно боится пошевелиться. Эшфорд молчал. Анна почувствовала, что сказала что-то неуместное. — Простите, я ничего не понимаю в живописи. — Напротив. Он подошёл ближе к картине. — Вы заметили именно то, что хотел передать художник. Анна удивилась. — Правда? — Да. Абсолютный покой. Он смотрел на изображение с едва заметной улыбкой. — В этой работе нет ни одного лишнего движения. Ни одной неудачной линии. Всё совершенно.

Анна снова взглянула на женщину. «Абсолютный покой». Странно. Ей по-прежнему казалось, что сидящая на картине женщина не спокойна, а напряжена. Но спорить о живописи с человеком, которому принадлежал этот великолепный дом, было бы глупо. Тем более в день собеседования.

— Присаживайтесь, Анна. Она заняла кресло напротив письменного стола. Эшфорд открыл папку.

— Итак, договор. Он развернул несколько листов и положил перед ней. Бумага была плотной, дорогой на ощупь. Анна взяла документ. Вверху стояло её полное имя. Анна Рид.

Ниже — имя работодателя. Ричард Эшфорд. Должность была указана точно: «Экономка с проживанием в частном доме». Она начала читать. Эшфорд не торопил. Напротив, откинулся в кресле и спокойно наблюдал за ней. В договоре подробно перечислялись обязанности. Поддержание чистоты и порядка в жилых помещениях.

Контроль состояния мебели, текстиля, предметов интерьера и декоративных элементов. Организация смены постельного белья и полотенец. Уход за гардеробом владельца дома, включая сортировку вещей, организацию стирки, глажения и взаимодействие с химчисткой. Контроль бытовых запасов. Приём поставок.

Подготовка гостевых комнат. Сервировка стола. Помощь в обслуживании частных ужинов и приёмов. Взаимодействие с приглашённым персоналом. Ведение простого хозяйственного учёта.

Анна внимательно просматривала каждую строку. Всё было вполне знакомо. Ничего необычного. Она перевернула страницу. Следующий раздел касался условий проживания.

Отдельная комната с ванной. Полное питание. Оплачиваемый отпуск. Выходные дни по согласованному графику. Испытательный срок.

Заработная плата. Анна вновь задержала взгляд на сумме. Она была даже немного выше указанной в объявлении.

— Мистер Эшфорд, здесь ошибка? Он поднял глаза. — Где именно? — Размер зарплаты. В объявлении была другая сумма. Эшфорд улыбнулся. — Ошибки нет. — Но... — Я решил предложить вам немного больше. Анна почувствовала, как к щекам приливает кровь. — Спасибо. Это очень щедро. — Не за что. Хорошая работа заслуживает достойной оплаты. Она снова опустила глаза. Нужно было сохранять спокойствие. Не выглядеть слишком восторжен-

ной. Но она уже мысленно считала, сколько денег сможет отложить за полгода. Сколько долгов закроет.

Сколько времени потребуется, чтобы накопить небольшую финансовую подушку. Возможно, впервые за много лет появится ощущение устойчивости. Она перевернула следующую страницу. Раздел назывался: «Общие требования к сотруднику». Первый пункт касался конфиденциальности.

Запрещалось разглашать сведения о частной жизни работодателя, содержании документов и личных разговорах, услышанных во время исполнения обязанностей. Это было понятно. Второй пункт предписывал аккуратный внешний вид, соблюдение личной гигиены и ношение установленной рабочей одежды.

Третий — уважительное обращение с предметами интерьера, антиквариатом и личными вещами хозяина. Четвёртый — соблюдение согласованного распорядка работы и предварительное уведомление об отсутствии на рабочем

месте. Пятый — выполнение дополнительных хозяйственных поручений в пределах должностных обязанностей. Анна внимательно прочитала всё ещё раз. Затем подняла голову.

— Можно вопрос? — Конечно. — Здесь указана рабочая одежда. У вас специальная форма? — Да. — Какая именно? Эшфорд слегка улыбнулся, но отвечать сразу не стал. — Я предпочитаю сдержанный, безукоризненный стиль. Ничего похожего на театральный костюм горничной, если вы об этом.

Анна невольно улыбнулась. — Признаться, именно это я и представила. — Нет, Анна. Я не люблю карнавалы. Он указал взглядом на строку договора. — Униформу для вас я закажу лично. К понедельнику всё будет приготовлено в вашей комнате.

Она удивилась. — Вы сами будете выбирать мне одежду? — Да. Мне важно качество ткани, покрой и то, как вещь сидит. Можете не беспокоиться о расходах: всё необходимое предоставляет дом.

— Но ведь вы не знаете моего размера. — Мы предусмотрим несколько вариантов. Подберёте то, что подойдёт точно. Он произнёс это так спокойно, словно речь шла о новых шторах или столовом серебре. Анна вспомнила идеальную симметрию столовой, вазу, повёрнутую на несколько градусов, и портрет женщины, которая словно боялась пошевелиться.

— Что ж, это удобно, — сказала она. — Не придётся покупать рабочую одежду самой.

Эшфорд улыбнулся. — Вот именно. И я уверен, вам понравится мой выбор. Он указал на договор. — Что-нибудь ещё вызывает вопросы? Анна задумалась. — Нет. Пожалуй, всё ясно. А если возникнут какие-то бытовые трудности, мне обращаться к Маргарет?

— По хозяйственным вопросам — да. — Хорошо. — Но если дело касается моих личных распоряжений, предпочитаю, чтобы вы обращались непосредственно ко мне.

— Разумеется. Он внимательно посмотрел на неё. — Я ценю прямое общение, Анна. Не люблю недомолвок. Она кивнула. — Я тоже. — Прекрасно. Тогда мы, кажется, нашли общий язык. Он взял ручку. Потом словно что-то вспомнил. — Да, ещё одно. Анна насторожилась. — Слушаю.

— В моём доме существует несколько правил, которые не имеют отношения непосредственно к должностной инструкции.

— Каких? Эшфорд улыбнулся. — Самых обыкновенных. Не входить в некоторые помещения без разрешения. Не переставлять предметы интерьера по собственному усмотрению. Не приглашать посторонних без согласования.

— Это естественно. — И не трогать мои личные коллекции. — Разумеется. — Я довольно трепетно отношусь к вещам. Анна улыбнулась. — Я уже заметила. — Неужели? — У вас всё очень красиво и аккуратно. Эшфорд посмотрел на неё с явным удовольствием. — Благодарю. Потом, взяв со стола ручку, он произнёс: — Видите ли, Анна, я считаю, что прекрасные вещи должны оставаться прекрасными. Иначе сам смысл обладания ими теряется.

Она не совсем поняла эту мысль. Впрочем, речь шла об антиквариате, картинах и дорогой мебели. Конечно, человек, вложивший в такое имущество огромные средства, имел право требовать бережного отношения.

— Я буду очень осторожна, — заверила она. — Не сомневаюсь. Он протянул ей ручку. Тяжёлую, чёрную, с золотым пером. — Если вас всё устраивает, можем подписать. Анна ещё раз посмотрела на договор. Её имя. Новая должность. Высокая зарплата. Красивая комната.

Новая жизнь. Всё казалось таким простым. Слишком долго она работала за небольшие деньги, терпела унизительные разговоры, экономила на себе и убеждала окружающих, что у неё всё хорошо.

А теперь перед ней сидел образованный, чрезвычайно обеспеченный мужчина, который разговаривал с ней уважительно, предлагал прекрасные условия и, кажется, даже искренне интересовался её прошлым. «Почему я должна во всём искать подвох?» Может быть, жизнь наконец решила проявить к ней немного доброты. Может быть, не каждая неожиданная удача обязана обернуться бедой.

Она взяла ручку. — Когда я должна приступить к работе? — В понедельник. Если вам удобно. — Да. Вполне. За выходные успею собрать вещи. — Превосходно. Анна наклонилась над документом. Тонкая прядь чёрных волос упала ей на щёку. Она убрала её за ухо. На мгновение задумалась. Потом поставила подпись.

Анна Рид. Рядом появилась дата. Она передала договор хозяину. Эшфорд подписал второй экземпляр. Его подпись была крупной, уверенной, с длинным росчерком в конце.

Он аккуратно сложил документы, один экземпляр вложил в папку и передал
ей другой.

— Поздравляю вас, Анна. Он поднялся. Она тоже встала. — Спасибо, мистер Эшфорд. Я постараюсь оправдать ваше доверие. — Уверен, что оправдаете. Он протянул руку. Анна ответила на рукопожатие. На этот раз мужчина держал её ладонь немного дольше, чем требовала обычная вежливость. Но затем отпустил.

— Знаете, — произнёс он, — когда вы сегодня вошли, я почти сразу понял, что мы договоримся.

Анна удивилась. — Правда? Почему? Эшфорд на секунду задумался. Его взгляд медленно скользнул по её лицу, задержался на глазах, затем на прямой линии плеч.

— В вас есть редкая естественная гармония, Анна. Она смутилась. — Вы преувеличиваете. — Нисколько. Он улыбнулся. — Вам необыкновенно повезло сохранить её. Анна не знала, что ответить. И тогда мужчина добавил: — Очень надеюсь, что она останется с вами надолго. Его слова прозвучали почти как комплимент. Анна улыбнулась. — Спасибо. Она ещё не знала, что именно Ричард Эшфорд вкладывал в по-нятие гармонии. Для неё это слово означало свободу быть собой, возможность двигаться, чувствовать и жить в согласии с собственным телом. Для него

— безупречную форму, которой ничего не позволено нарушать. Но в то осеннее утро между ними лежал всего лишь подписанный договор.

И Анна, аккуратно убирая его в сумочку, чувствовала себя счастливой. Впервые за долгое время ей казалось, что впереди начинается что-то хорошее. Ричард Эшфорд проводил её до двери кабинета.

— До понедельника, Анна. — До понедельника. Она вышла. Дверь тихо закрылась за её спиной. Эшфорд остался один. Несколько секунд он неподвижно стоял возле письменного стола. Затем повернулся к картине над камином.

К женщине в белом платье. Посмотрел на её прямую спину, неподвижные руки и безукоризненно спокойное лицо. Потом перевёл взгляд на дверь, за которой только что исчезла Анна. И едва заметно улыбнулся.

Глава II. Танцовщица из фарфора

После ухода Анны Ричард Эшфорд не вернулся сразу к работе. Он продолжал стоять возле двери кабинета, прислушиваясь к шагам, которые удалялись по коридору. Туфли девушки негромко постукивали по деревянному полу, затем звук сделался глуше — должно быть, она ступила на ковёр в галерее, — и наконец исчез. Дом снова обрёл обычную тишину. Именно такую, какой Ричард добивался годами: без невнятных разговоров, без беспорядочной суеты, без неожиданного смеха за стеной. Но сейчас эта тишина почему-то показалась ему неполной.

На столе лежал подписанный договор. Ричард прошёл к креслу, сел, положил обе ладони на подлокотники и закрыл глаза. Сделал он это не от усталости. Ему хотелось ещё раз увидеть лицо Анны — не на фотографии из резюме, слишком неподвижной и потому по-чти ничего не говорившей о ней, а таким, каким оно оказалось сегодня утром: изменчивым, живым, поразительно отзывчивым на каждую мысль.

Он мог восстановить их встречу с неприятной для стороннего наблюдателя точностью. Не только её слова, не только цвет жакета или форму туфель. Он помнил, как она остановилась на пороге, прежде чем поздороваться; как чуть повернула голову в сторону Маргарет; как, отвечая на его первое приветствие, не сразу подняла глаза. Он помнил, что правая рука придерживала ремешок сумочки, а левая оставалась свободной и едва заметно двигалась у бедра, словно девушка всё ещё пыталась поймать ритм невидимой музыки.

Ричард открыл глаза. — Анна Рид, — негромко произнёс он. Имя прозвучало в пустой комнате непривычно мягко. Он по-вторил его мысленно, на этот раз не разделяя на имя и фамилию, а прислушиваясь к тому, как одно переходит в другое. Ему не нравилось большинство имён. Они казались ему или слишком грубыми, или нарочито изысканными. Но это было простым, строгим, почти беззащитным. Оно удивительно подходило женщине, которая сегодня вошла в его дом.

Он потянулся за чашкой остывшего чая и заметил, что подставка находится не совсем параллельно краю стола. Повернул её. Затем ещё немного. Тонкая позолоченная линия на фарфоре наконец совпала с воображаемой прямой. Только после этого он сделал глоток. Чай давно остыл, и Ричард с лёгким отвращением вернул чашку на блюдце.

Она удивилась дому, — подумал он. Это было приятно вспомнить. Не её слова — люди часто произносят восторженные слова, когда надеются получить хорошую должность. Его занимало другое: мгновение, предшествовавшее словам. Анна увидела мраморный холл и остановилась, забыв сделать следующий шаг. Брови слегка приподнялись; губы разомкнулись, но улыбка появилась не сразу, а словно догнала удивление. Не было ни привычной зависти, ни жадного подсчёта стоимости люстр, ковров, картин. Было простое восхищение.

Ричард знал разницу. За долгие годы он научился распознавать реакции, которые люди не успевали подготовить. В этом отношении лицо представлялось

ему гораздо честнее речи. Речь можно исправить на ходу, повторить, украсить. Взгляд — лишь отчасти. Лицевые мышцы выдают человека раньше, чем человек решит, что ему выгодно показать.

Он вспомнил, как Анна улыбнулась при упоминании танцев. Не целиком — сначала едва дрогнул один уголок рта, потом улыбка появилась и в глазах. А ещё через мгновение исчезла, потому что за воспоминанием о сцене неизбежно следовало воспоминание о травме. Ричард видел всё это так ясно, словно перед ним лежали последовательно отпечатанные снимки. Радость. Сожаление. Усилие скрыть сожаление. И снова учтивое спокойствие.

Чудесно, — подумал он. Слово не имело отношения к её боли. По крайней мере, так ему казалось. Он восхищался точностью переходов, тонкостью выражения, редкой способностью

тела оставаться грациозным даже тогда, когда сознание занято совсем другим. Он считал себя человеком эстетически восприимчивым. Поэтому ему не пришло в голову, что в его восхищении уже таилась жестокость: чужая печаль интересовала его прежде всего как изменение красивого лица.

Он поднялся, подошёл к окну. По стеклу медленно сползала по-следняя дождевая капля. В саду работал человек с воздуходувкой, собирая с дорожки мокрые листья. Ричард нахмурился, увидев, что один лист остался возле каменной скамьи. Наверное, садовник вернётся за ним. Вероятно, ещё успеет. Но мысль о забытом листе продолжала раздражать. Тогда Ричард отошёл от окна и вновь обратился к воспоминаниям.

Он видел, как Анна сидела напротив него. Кремовая блузка, тёмно-синяя юбка, небольшой сдержанный жакет. Ничего особенно дорогого. Скорее наоборот: ткань на манжетах была чуть потёрта, а на левом каблуке блестела свежая полоска крема, которым девушка, по-видимому, старательно скрыла царапину. Но вещи не портили её. Они даже позволяли яснее различить то, что Ричард называл линией.

Её плечи не требовали усилия, чтобы оставаться опущенными. Шея поднималась из воротника свободно, без напряжения. Голова не уходила вперёд, как у людей, привыкших постоянно заглядывать в телефоны. Когда она садилась, её спина не оседала и не искала опоры; когда вставала, движение начиналось так плавно, будто тело заранее знало конечную точку. Это не была поза, выученная ради собеседования. Подобное невозможно удерживать непрерывно, если оно не стало второй природой.

Вот что потрясло его сильнее всего. Не красота сама по себе — красивых женщин Ричард видел достаточно. Его поразила красота, которой не требовалось напоминать о себе. Анна ничего не демонстрировала. Она просто поворачивалась к собеседнику, протягивала руку за чашкой, убирала чёрную прядь за ухо. И каждый раз получалось то, что другим приходилось старательно изображать.

Особенно ему запомнились волосы. Густые, совершенно чёрные, они были собраны для встречи достаточно аккуратно, однако несколько коротких прядей возле виска не желали подчиняться причёске. Одна упала ей на щёку, когда она подписывала договор. Анна убрала её без раздражения и без кокетства, даже не заметив, что на секунду изменила всю композицию своего лица. Ричарду захотелось мысленно вернуть прядь на прежнее место — снова увидеть, как она коснулась кожи, и как вслед за нею дрогнула тонкая линия брови.

Возможно, другое лицо с такими волосами выглядело бы слишком суровым.

Но серо-зелёные глаза Анны, её светлая кожа, мягкий, чуть печальный рот образовывали редкое равновесие. И главное — оно не было окончательным. В каждом движении Ричард угадывал обещание другого, ещё более совершенного выражения, которое, казалось ему, можно найти, если достаточно внимательно наблюдать.

Он сел за стол, раскрыл папку с её резюме и почти рассердился на фотографию. Снимок был сделан при неудачном освещении. Анна стояла перед серым фоном и улыбалась так, как улыбаются люди, которым сказали: «Теперь смотрите в камеру». Прядь волос лежала не с той стороны. Подбородок был чуть ниже. Фотография казалась грубой копией того, что он теперь знал.

— Нет, — сказал Ричард пустой комнате. — Совсем не так. Он положил снимок лицом вниз. Ему хотелось бы запомнить Анну без ошибки, без искажения. Однако собственная память, при всей её точности, оставалась досадно зависимой от времени. Через месяц он мог забыть, как именно она повернула голову, когда услышала предложение о работе. Через год — оттенок румянца, поднявшегося на её щеках. Он не терпел этой мысли. Прекрасное должно было сохраняться. Не в приблизительной форме, не в воспоминании, которое каждый раз становится чуть иным, а безукоризненно, до последней мелочи.

В его детстве существовала одна вещь, которой, казалось, удалось победить время.

Маленькая фарфоровая танцовщица.

* * *

Ричарду было восемь лет, когда он впервые заметил, что мать умеет приводить комнату в порядок одним своим присутствием.

Он не назвал бы тогда это такими словами. Восьмилетние мальчики редко размышляют об устройстве красоты. Он просто знал: стоит матери появиться в дверях гостиной, как взрослые начинают говорить чуть тише, служанка расправляет салфетку, отец отодвигает бокал от края стола, а сам Ричард невольно выпрямляет спину. И всё это происходит не потому, что мать на кого-нибудь прикрикнула. Она почти никогда не повышала голоса.

Эвелин Эшфорд была женщиной, которую знакомые называли безупречной. У неё были тонкие черты лица, густые тёмные волосы, уложенные в низкий гладкий узел, и удивительно светлая кожа. Она предпочитала простые на первый взгляд платья, сшитые так хорошо, что ни одна складка не возникала случайно. Её жемчужные серьги были небольшими, но настоящими; тонкий шёлковый платок лежал на шее всегда именно так, как должен был лежать, а не так, как ему вздумалось упасть. Даже в домашних туфлях она двигалась осторожно, бесшумно и с какой-то неестественной плавностью, словно с раннего детства знала, что за нею наблюдают.

Сын обожал смотреть на мать. Он любил, когда она сидела у окна с книгой и поднимала глаза на звук его шагов. Любил её руки — прохладные, с длинными пальцами и почти прозрачными ногтями, покрытыми бесцветным лаком. Любил запах её духов, в котором смешивались что-то цветочное, сухое дерево и едва уловимая горечь. Больше всего ему нравились редкие мгновения, когда она забывалась: вдруг смеялась, закрывая рот ладонью, или, задумавшись, постукивала пальцем по переплёту книги. Тогда она становилась не похожей на всех прочих прекрасных

женщин, которых он видел на фотографиях в журналах. Она становилась его матерью.

Но такие мгновения быстро проходили. — Ричард, плечи, — говорила Эвелин, едва заметив его сутулость. Или: — Пожалуйста, не торопись с ответом. Сначала подумай, как он прозвучит. Или: — Ты можешь расстроиться, милый. Только не нужно превращать своё огорчение в представление для остальных.

Она произносила всё это ласково. Ни резкого слова, ни оскорбления. Но в этой ласковости существовал холодный предел, за который мальчик не решался переступить. Он понимал: можно быть усталым, испуганным, сердитым. Нельзя позволять этим состояниям испортить выражение лица и нарушить порядок в комнате.

Однажды в декабре, когда за окнами стоял низкий туман, а по саду бродил мокрый ветер, мать разрешила ему остаться с ней в голубой гостиной до ужина. Отец уехал на встречу, приглашённых не ожидалось, и в доме воцарилась та особенная тишина, какая бывает в больших богатых домах, когда все дела продолжаются, но их не видно.

Эвелин сидела возле камина в платье цвета слоновой кости. На её коленях лежал раскрытый альбом с репродукциями. Мальчик устроился на ковре с деревянной железной дорогой, но вскоре оставил поезд. Его привлекло движение материнской руки: она поправляла цветок, поставленный в узкую вазу. Несколько раз по-ворачивала стебель, отступала, прищуривалась. Наконец удовлетворённо кивнула.

— Мама, зачем ты его всё время крутишь? — Чтобы он стоял красиво. — А разве сначала было некрасиво? Эвелин посмотрела на него, и в её глазах на секунду мелькнула тень улыбки. — Сначала он стоял как попало. — Но цветок же не знает, как надо. — Цветку это простительно. Нам с тобой — нет. Она сказала это шутливо, однако мальчик воспринял слова со всей серьёзностью, на какую способен ребёнок. Он долго рассматривал цветок. Теперь тот действительно казался ему красивее. Или просто мать была довольна, а потому красивым становилось всё, чего она касалась.

На каминной полке, между серебряными подсвечниками, стояла фарфоровая танцовщица. Высотой она была не больше взрослой ладони, но ребёнку казалась едва ли не живой. Белоснежная фигурка изображала девушку, поднявшую одну руку над головой и чуть отвёдшую вторую в сторону. Узкая талия, плавный изгиб спины, крохотные туфельки на вытянутых стопах. Юбка, сделанная из тончайшего рифлёного фарфора, казалась полупрозрачной на свету. Лицо художник обозначил несколькими точными прикосновениями краски: тёмные ресницы, бледный румянец, маленький серьёзный рот.

Фигурка была подарена Эвелин её матерью задолго до рождения Ричарда. Она рассказывала, что в юности занималась танцами, но никогда не думала о сцене как о профессии. Танец был одним из способов научиться осанке и дисциплине — наряду с музыкой, языками и умением непринуждённо беседовать с незнакомыми людьми.

— Почему она стоит на одной ноге? — спросил Ричард, показывая на статуэтку.

— Потому что танцует. — Но она не двигается. — И не должна. Это скульптура. — Настоящие танцовщицы двигаются. — Разумеется. Эвелин отложила альбом. — А эта хранит самое красивое мгновение танца. Представь, что художник остановил время именно тогда, когда движение достигло совершенства.

Мальчик замолчал. Остановить время. Он часто мечтал об этом, хотя не произносил подобных слов. Ему хотелось, чтобы вечера, когда мать была дома и никуда не спешила, длились бесконечно. Чтобы она оставалась в кресле и читала, а огонь горел ровно и никому не приходило в голову объявлять, что пора спать.

— А потом она бы устала? — спросил он. — Кто? — Танцовщица. Если бы так стояла очень долго. Мать коротко рассмеялась — настоящим, тёплым смехом, которого он так ждал.

— Конечно, милый. Живая девочка не смогла бы так стоять вечно. — Тогда почему мы не видим, что ей больно? Эвелин подняла маленькую фигурку с каминной полки, осторожно удерживая за подставку, и опустилась перед ним на колени.

— Потому что она из фарфора. У неё нет боли, нет усталости и нет страха. С ней ничего не происходит. Смотри, какая тонкая работа. Она может оставаться прекрасной сколько угодно.

Ричард вгляделся в крохотное нарисованное лицо. Боли на нём действительно не было. Как не было радости или желания уйти. Он подумал, что, наверное, это очень удобно — быть настолько красивой и никогда не уставать. У живой матери иногда уставали глаза, иногда дрожали пальцы, когда она долго застёгивала маленькую пуговицу на манжете. Фарфоровой танцовщице подобное не грозило.

— Можно подержать? Эвелин помедлила. — Очень осторожно. Она передала ему статуэтку. В руке мальчика та оказалась неожиданно тяжёлой. Холодная гладкая поверхность скользила под пальцами. Он коснулся крошечной руки танцовщицы и тут же по-чувствовал, насколько она хрупка. Это открытие его одновременно испугало и восхитило. Красота, которую можно было разрушить неловким прикосновением, казалась почему-то важнее красоты, способной пережить удар.

— Видишь, — сказала мать, — вся изящность зависит от нескольких тонких линий. Одно неверное движение — и ничего уже не вернуть.

Мальчик хотел спросить, можно ли сделать другую такую же. Но в это мгновение из коридора донёсся звук распахнувшейся двери. Кто-то позвал Эвелин по имени. Мальчик обернулся на голос, по-вернув вместе с рукой фарфоровую фигурку. Его палец задел поднятое запястье танцовщицы.

Раздался совсем тихий щелчок. Не звон разбитой посуды, не треск падающей вазы. Крохотный сухой звук, который можно было бы принять за удар ногтя о дерево.

Белая кисть отделилась от руки статуэтки и упала на ковёр. Ричард замер. Он видел её совершенно отчётливо: маленький обломок с тремя едва заметными пальцами, лежавший на

ворсе у его колена. У фигурки осталась поднятая рука, но теперь она обрывалась на месте запястья. Всё остальное было прежним. И всё же танцовщица перестала быть той, какой была секунду назад.

— Мама… Эвелин посмотрела на статуэтку. Её лицо не исказилось. Она не вскрикнула, не повысила голоса. Только на мгновение исчезло выражение приветливого внимания, которое обычно лежало на её лице, словно прозрачная вуаль.

— Положи её на столик, Ричард. Мальчик подчинился. Он очень старался не заплакать. Был уверен, что если заплачет, случившееся станет ещё хуже.

— Я не хотел. — Я знаю. — Я могу приклеить. Я попрошу папу, и он… — Не сейчас. Мать подняла с ковра белый обломок. Долго рассматривала его, не касаясь пальцем места скола. Потом положила рядом с фигуркой на бархатную салфетку.

— Посмотри, что произошло, — сказала она. — Я сломал. — Да. — Но она почти такая же. Эвелин молчала. Мальчик почувствовал, что сказал нечто неправильное. — Нет, милый, — наконец ответила она. — Почти — самое печальное слово, когда речь идёт о совершенстве.

Ричард никогда не забыл этой фразы. Возможно, потому что понял её по-своему. Для Эвелин это была горькая реплика о любимой семейной вещи, сказанная в минуту разочарования. Для мальчика она прозвучала как закон, которому отныне подчинялось всё прекрасное.

Он ждал наказания. Но мать лишь попросила его вернуться к игрушкам. Её спокойствие мучило сильнее, чем крик. Он несколько раз пытался привлечь её внимание, рассказать о поезде, спросить о вечернем чае. Она отвечала, но рассеянно. Потом встала и ушла из комнаты, унося фигурку и обломок ладони.

В тот вечер Ричард впервые подумал, что можно лишиться материнского тепла не за дурной поступок, а за одну ошибку движения.

На следующее утро он увидел танцовщицу снова. Она стояла на своём месте, но тонкая рука теперь была обращена к стене, так что отсутствие кисти не бросалось в глаза. Мальчик заметил это мгновенно. Взрослые, вероятно, не разглядели бы ничего необычного. Но Ричард знал, что за аккуратным поворотом скрывается повреждение.

Он долго смотрел на статуэтку. Затем осторожно повернул её обратно, чтобы увидеть прежний ракурс. Скол снова сделался заметным.

Он вернул фигурку в положение, выбранное матерью. И испытал странное облегчение.

* * *

В кабинете часы пробили половину первого. Ричард вздрогнул от звука — не телом, а мыслью, словно прерванное

воспоминание потребовало усилия, чтобы вернуть его в настоящее. Он посмотрел на камин. Над ним висела женщина в белом платье, написанная по заказу его семьи задолго до того, как дом в Суррее перешёл в его собственность. Художник изобразил незнакомую Ричарду модель. Она смотрела мимо зрителя и сидела совершенно прямо, сложив руки на коленях. Сегодня Анна сказала о ней: «Словно боится пошевелиться».

Это замечание по-прежнему не давало ему покоя. Обычно люди хвалили картину. Указывали на цвета, на свет, на необыкновенно хорошо выписанные руки. Некоторые говорили о сдержанности, другие — о достоинстве. Никто никогда не спрашивал, удобно ли женщине сидеть. И вот Анна, не успев осмотреть комнату, заметила то, чего художник, быть может, сам не намеревался выразить.

Она увидела страх там, где Ричард видел гармонию. Сама мысль была неприятной. Не потому, что он сомневался в художественном произведении, а потому, что на мгновение увидел картину её глазами. Прямые плечи вдруг стали напряжёнными, сцепленные пальцы — слишком крепко сжатыми, неподвижная улыбка — почти отсутствующей. Он с досадой отвернулся. Не следовало позволять чужому впечатлению менять собственный взгляд.

И всё же ему было любопытно. Какое чувство заставило её произнести эти слова? Не боязнь обидеть хозяина — она заговорила прежде, чем вспомнила о необходимости быть учтивой. Может быть, многолетний опыт танцовщицы позволил ей распознать напряжение мышц даже в нарисованном теле. Может быть, ей самой приходилось слишком долго удерживать требуемую позу, когда болела нога и хотелось опустить руки.

Ричард вспомнил, как она спускалась с лестницы и на мгновение ухватилась за перила. Движение было быстрым и почти незаметным. Другой человек решил бы, что девушка просто оступилась. Но он увидел последовательность: лёгкая задержка дыхания, едва различимое поджатие губ, напряжение в правой икре, затем усилие вернуть лицу спокойствие. Болезненная тень задержалась в глазах лишь на мгновение. И, когда Анна снова выпрямилась, всё будто бы стало на свои места.

Его неприятно задело то, что боль может прерывать такую линию. Разумом он понимал: повреждённая нога нуждается в бережном отношении. Он даже предложил помочь ей с лечением, и предложение было вполне искренним. Но за искренней заботой скрывалась другая мысль, которую он не собирался формулировать вслух: неприятно, когда тело, столь точно созданное для движения, допускает не предусмотренные красотой отклонения.

Ей нельзя уставать, — решил он. Решение показалось ему заботливым. Ему не пришло в голову спросить себя, почему он рассуждает о чужой усталости так, словно вправе её запрещать.

В дверь негромко постучали. — Войдите, — сказал Ричард. На пороге появилась Маргарет Хейл. В руках она держала планшет и несколько листов с хозяйственными расчётами. Как всегда, одежда на ней была безупречно чистой, волосы собраны, голос ровен. Ей было за пятьдесят; она работала у Эшфорда давно и, пожалуй, лучше прочих знала его привычки. Иногда Ричарду казалось, что Маргарет стареет скорее внутренне, чем внешне: лицо её оставалось почти таким же, каким он помнил его много лет назад, зато прежняя

лёгкость в движениях исчезла.

— Прошу прощения, мистер Эшфорд. Вы велели зайти после собеседования. — Да, Маргарет. Мисс Рид приступает в понедельник. — Значит, всё прошло хорошо? — Более чем. Ричарду не понравилось, что ответ прозвучал слишком быстро. Он поправил манжету и добавил уже привычным тоном:

— Резюме соответствует действительности. Опыт достаточный. Манеры хорошие. Она производит впечатление ответственного человека.

— Рада это слышать. Маргарет сделала пометку. — Подготовить восточную спальню? Ту, что выходит окнами на пруд? — Разумеется. Мы её показывали. — Я распоряжусь насчёт белья и необходимых мелочей. — Пожалуйста, замените покрывало. — Там новое покрывало, мистер Эшфорд. — Я знаю. Маргарет подняла глаза. — Вы хотите другой цвет? — Тёмный. Возможно, графитовый. Светлый оттенок делает комнату безликой.

Он представил чёрные волосы Анны на белой подушке и вдруг почувствовал раздражение: воображение позволило ей лежать не совсем так, как ему хотелось, повернуть голову к окну, поджать под себя ногу. Он отбросил картину. Комната была предназначена для отдыха, и к своему мысленному замечанию не следовало относиться серьёзно.

— И ещё, — сказал он. — Служебный гардероб мисс Рид я закажу лично. Попросите освободить для него шкаф и подготовить место для обуви.

— Разумеется, мистер Эшфорд. Но обычно этим занимается управляющая. — В этот раз я предпочту заняться всем сам. Он сказал это без раздражения, почти ласково. Маргарет, однако, уже знала, что за такой мягкостью обсуждение обычно заканчивается.

— Какой стиль вы предполагаете? — Строгий. Совершенная линия плеч, точная посадка по талии, безукоризненная ткань. Никаких белых фартуков и дешёвого кружева. Я хочу, чтобы гардероб подходил ей, а не обезличенной должности.

Он сделал паузу. Перед глазами вновь возникла Анна на лестнице: мгновенная гримаса боли, ладонь на перилах, усилие, с которым она выпрямилась. Следовало бы выбирать обувь исключительно ради удобства. Но его воображение уже подсказало другой силуэт — изящные туфли на каблуке, меняющие осанку и линию ноги. Мысль о её травме не исчезла; он лишь отодвинул её, уверив себя, что подберёт разумную высоту.

— Насчёт размеров? — спросила Маргарет. — Пусть привезут несколько вариантов. Я сам решу, что оставить. До её приезда всё должно быть разложено по местам.

Она снова сделала пометку. — А другим кандидатам направить отказ? Ричард взглянул на папку, лежавшую на столе. — Направьте.

— Хорошо. — Маргарет. — Да? Он едва заметно склонил голову. — Как вам показалась мисс Рид? Женщина, очевидно, не ожидала вопроса. — Очень вежливая. Немного волнуется, но это понятно. И, кажется, искренне рада предложению.

— Вы обратили внимание на её осанку? Маргарет чуть нахмурилась, словно перебирая в памяти по-дробности утренней встречи.

— Не особенно. Держится прямо, это верно. — Она была профессиональной танцовщицей. — Вот как? Тогда понятно. Ричард почувствовал лёгкое разочарование. Держится прямо. До чего бедно можно описать то, что он увидел собственными глазами. Но ведь нельзя требовать от других способности замечать тончайшие различия. Именно поэтому в доме нередко нарушалась гармония: люди были не злы и не небрежны, просто не замечали. Они проходили мимо очевидного, словно слепые.

— Мне кажется, с ней будет легко работать, — произнесла Маргарет. — Надеюсь. Он помедлил. — И прошу вас, не перегружайте её в первые недели. У неё старая травма ноги. Маргарет подняла глаза. — Разумеется. Но если нагрузка окажется для неё слишком велика, она должна будет сама сказать об этом.

— Конечно, — ответил Ричард. И добавил с такой любезностью, что в ней невозможно было услышать угрозу: — Мне важно, чтобы ей здесь было хорошо. Маргарет кивнула и вышла. Ричард смотрел вслед закрывшейся двери. Она затворилась бесшумно: петли недавно смазали по его распоряжению. Казалось бы, мелочь. Но жизнь и состояла из мелочей, от которых остальные люди отмахивались. Незначительное неудобство, оставленное без внимания, делается привычкой. Привычка превращается в беспорядок. Беспорядок проникает в мысли. И однажды человек обнаруживает, что больше не принадлежит самому себе.

Ричард был убеждён в этом так же твёрдо, как в том, что дважды два — четыре. Поэтому собственное стремление распоряжаться чужими привычками не выглядело для него насилием над чужой волей. Он называл его заботой о форме, а заботу о форме считал заботой о человеке.

От этой мысли ему стало спокойно. Он снова взял анкету Анны. Тридцать лет. Незамужняя. Детей нет. Близких родственников нет. Читая сухие строки, он неожиданно почувствовал то особенное удовлетворение, какое испытывает человек, обнаруживший редкий предмет в магазине, где никто другой не сумел оценить его подлинную стоимость. Анна не была обременена обстоятельствами, которые могли бы требовать её возвращения в Лондон по вечерам. Не было мужа, с которым пришлось бы согласовывать переезд, детей, чьи болезни и школьные заботы

прерывали бы рабочий день, родственников, способных вмешаться в её решения.

На собеседовании он задавал эти вопросы, думая, как удобно сложились обстоятельства. А сейчас вдруг испытал неудобство от собственного удовлетворения. Он ведь не желал ей одиночества. Напротив, когда она сказала о смерти матери, ему стало искренне жаль её. На секунду. Но следом возникла другая мысль: здесь, в его доме, она сможет обрести всё, чего ей недоставало. Покой, защищённость, достаток. Возможно — привязанность.

Он медленно положил анкету на стол. Она даже не понимает, насколько ей повезло, — подумал он. В этой мысли уже содержалось опасное допущение: Ричард по-лагал, что способен

лучше самой Анны знать, какая жизнь нужна ей и каким человеком она должна в этой жизни стать. Но самому себе он представил всё иначе. Ему казалось, что он готов предложить редкое добро и вправе ожидать, что это добро будет принято без оговорок.

Откуда взялась такая уверенность, он не спрашивал. В его внутреннем мире уверенность была таким же наследством, как старые картины и фамильное серебро.

* * *

Вечером того давнего дня, когда сломалась танцовщица, Эвелин всё-таки пришла к сыну. Он уже лежал в постели, но не спал. В доме пахло растопленным камином и чистым бельём, из коридора проникал узкий луч света. Мать вошла без украшений, с распущенными волосами; на ней был простой тёмный халат. Ричард редко видел её такой. Она показалась ему меньше ростом, усталее, почти незнакомой.

— Ты ещё не спишь, милый? Он покачал головой. — Из-за статуэтки? Мальчик отвернулся к стене. Если бы она сейчас сказала, что он плохой, неуклюжий, недостойный её доверия, это было бы понятнее. Но Эвелин присела на край кровати и некоторое время просто смотрела на него.

— Я расстроилась, — произнесла она наконец. — Мне подарила её твоя бабушка. Когда я была молодой. Она очень много для меня значила.

— Я могу купить тебе новую, когда вырасту. Эвелин улыбнулась — печально и нежно. — Знаю, что можешь. Но дело ведь не в цене. — Ты теперь не будешь меня любить? Эта фраза, произнесённая ребёнком почти шёпотом, потрясла её сильнее, чем сам обломок фарфора. Эвелин наклонилась и обняла сына. Он уткнулся лицом в её плечо и почувствовал, что тёмный халат пахнет не духами, а обычным мылом.

— О чём ты говоришь, Ричард? — спросила она. — Я люблю тебя. Никакая вещь не может быть важнее тебя. Слышишь?

Он кивнул, не поднимая головы. — Даже танцовщица? — Даже она. — Но ты сказала «почти». Эвелин некоторое время молчала, а затем погладила его по волосам. — Я сказала глупость. Есть вещи, которые можно починить. И есть люди,

которых не нужно чинить. Ты можешь ошибаться. И я тоже могу.

Эта часть разговора действительно произошла. Ричард мог бы вспомнить её целиком, если бы пожелал. Но с годами она стала расплывчатой, словно воспоминание, долго пролежавшее под солнечным светом. Он сохранил другое: утренний скол, красивое лицо матери, на котором исчезла улыбка, и слова о том, как печально бывает «почти». Почему эта фраза оказалась сильнее объятия, он никогда не задумывался.

Позднее Эвелин отдала фигурку реставратору. Тот приклеил маленькую кисть и закрасил линию соединения так искусно, что повреждение почти невозможно было заметить. Статуэтка вернулась на каминную полку. Служанки восхищались работой мастера. Отец Ричарда не разглядел разницы. Даже сама Эвелин со временем перестала замечать место скола. Она по-прежнему любила вещицу и однажды сказала сыну, что старая трещина не делает дорогие сердцу вещи менее дорогими.

Ричард только кивнул. Он видел линию. Всегда. Много лет спустя, когда он стал взрослым, унаследовал имущество и заново обустраивал собственный дом, танцовщица оказалась среди вещей, которые он приказал перевезти прежде всего. Он поставил её не на камин, а в небольшой застеклённый шкаф в кабинете. Там не было пыли, случайных прикосновений и риска опрокинуть фигурку. Он мог подходить и смотреть, когда хотел. Спустя десятилетия белое запястье продолжало напоминать ему о том, что совершенное необыкновенно трудно сохранить.

При этом он почти никогда не вспоминал, как мать обнимала его в темноте. Возможно, потому что материнские руки были живыми, тёплыми и не удерживались в одном положе-

нии. Воспоминание о них не помещалось ни в какую аккуратную композицию. Оно оставалось слишком изменчивым, слишком человеческим.

* * *

Ричард подошёл к застеклённому шкафу, стоявшему в нише за письменным столом. Дверца открывалась маленьким ключом с округлой головкой. Он держал этот ключ в отдельном ящике, завернув в мягкую ткань, чтобы металл не царапал дерево. Иногда ему казалось, что он давно мог бы обойтись без замка. Никто, кроме него, почти не бывал у шкафа. Но привычка запирать вещи существовала не ради безопасности; она давала ощущение завершённости, правильной границы между тем, что принадлежало ему, и всем остальным миром.

Внутри, на тёмной бархатной подставке, стояла танцовщица. Теперь она казалась меньше, чем в детстве, почти невесомой, но белизна фарфора сохранилась. Вытянутая шея, приподнятый подбородок, тонкая талия, рукодвижение, застывшее на половине музыкальной фразы. Реставратор был действительно талантлив. С расстояния одного шага место поломки нельзя было различить. И всё же Ричард, осторожно подняв фигурку, повернул её к настольной лампе и почти сразу увидел тончайшую тёмную нитку на запястье.

Ему неприятно сжало грудь. Не от горя — детское горе давно перестало причинять ему непосредственную боль. Он испытывал скорее то мучительное недовольство, которое возникает, когда почти законченная работа выдаёт скрытую ошибку. Он знал, что никто другой не заметит этой линии. Он знал, что

фигурка давно утратила практическую ценность и дорога ему главным образом как память о матери. Знал всё — и всё равно смотрел только на по-вреждение.

Он поставил её обратно, но не закрыл дверцу. Анна, — подумал он. Имя возникло само собой, словно память подсказала единственный недостающий предмет в этой небольшой коллекции красивых вещей. Он мгновенно возразил себе: нелепость. Анна — человек. Она будет работать у него, распоряжаться своим временем, отдыхать, жить собственной жизнью. Он не глупец и прекрасно понимает разницу между сотрудницей и скульптурой. Мысль о том, что кто-то мог бы заподозрить его в обратном, вызвала у него почти оскорблённую усмешку.

Он закрыл шкаф. Но, отойдя к столу, снова увидел Анну. Не воображаемую куклу, не молчаливую модель с картины, а живую девушку, которая смотрела на него с лёгким недоумением, когда он заговорил об удобстве и красоте. В её серо-зелёных глазах была способность возражать. Он ясно помнил, как она сказала, что каждый человек двигается так, как ему удобно. Не вызов, не спор, а спокойное мнение, высказанное без расчёта понравиться. В тот момент он даже ощутил удовольствие от её несогласия. Красивое лицо ожило. Брови на мгновение сошлись, подбородок чуть изменил угол, тонкая шея выпрямилась.

Потом она улыбнулась, и между ними словно восстановилось согласие. Ричард захотел снова пережить именно этот переход — от чужой воли к согласию с его словами. Он не называл его победой. Он вообще избегал таких грубых понятий, когда речь шла об отношениях. Существовали более благородные слова: понимание, доверие, воспитание вкуса, взаимное уважение. Но удовольствие, которое он испытал, было сродни тому, что ребёнок чувствует, заставив непокорную игрушку наконец принять нужное положение.

Он подошёл к зеркалу между книжными шкафами. Зеркало было старинным, в строгой раме тёмного дерева, и немного затемняло отражение по краям. Ричард поправил воротник, хотя тот и без того лежал ровно. Посмотрел на своё лицо. Серые глаза. Чётко очерченный рот. Лёгкая седина на висках. В нём от матери осталось больше, чем сходство черт. Способность не показывать усталость. Привычка сдерживать недовольство. Умение говорить спокойно даже тогда, когда внутри нарастало раздражение.

Он коснулся пальцами линии подбородка. Я вовсе не требовательнее других, — подумал он. — Просто не люблю, когда человек сознательно опускается ниже своих возможностей.

Так он объяснял себе почти всё. Если сотрудник не умел красиво накрыть на стол — следовало научить. Если женщина выбирала неподходящее платье — подсказать. Если человек разговаривал слишком громко — помочь ему усвоить хорошие манеры. Все эти действия представлялись Ричарду разновидностями доброты. Люди только выигрывали от того, что рядом находился кто-то, способный заметить их недостатки и указать лучший путь.

В других обстоятельствах такая уверенность показалась бы ему самонадеянной. Но к себе он этого определения не применял.

Ему вспомнилось лицо Анны в тот момент, когда он предложил ей работу. Не сразу счастливое. Сперва недоверчивое. Она даже переспросила: «Правда?» — и в голосе прозвучало удивление человека, давно отвыкшего получать хорошие известия. Потом улыбнулась. На щеках выступил слабый румянец. Глаза

блеснули. Плечи, до того сохранявшие почти профессиональную собранность, на мгновение расслабились. Она стала мягче, моложе, беззащитнее — и оттого, как решил Ричард, ещё красивее.

Ему захотелось всегда быть причиной этой улыбки. Желание само по себе могло быть добрым. Но почти сразу к нему присоединилось другое: он хотел, чтобы никто больше не вызывал у неё такого выражения. Не потому, что боялся соперничества, — об этом он ещё не думал. Ему казалось естественным, что редкое мгновение принадлежит тому, кто сумел его создать. Именно он предложил ей спасительную работу, отдельную комнату, достойный заработок. Именно он увидел в ней то, чего, вероятно, не увидели прежние работодатели. Разве это не давало ему особого права на её благодарность?

Ричард почувствовал прилив спокойной гордости. Всё складывалось правильно. Он не собирался спешить. Не хотел пугать её чрезмерным вниманием. Человек с его опытом понимал, что доверие нельзя потребовать в первый день. Его нужно заслужить. Он будет внимателен к её ноге. Позаботится, чтобы она хорошо питалась, не переутомлялась, чувствовала себя защищённой. У неё будет красивое платье для работы, уютная комната, возможность забыть бедность и прежние разочарования.

А затем, когда она освоится, он сможет предложить ей ещё кое-что. Не деньги и не новую должность. Нечто более важное, чего, по его убеждению, она пока не умела ценить: порядок, способный избавить человека от ошибок. Он научит её не тратить красоту на случайные жесты, не портить себя усталостью, не пренебрегать тем, что дано от природы. Она поймёт, что забота иногда требует строгости. И однажды будет благодарна даже за те замечания, которые сейчас могли бы её обидеть.

В этой будущей благодарности он не сомневался ни на секунду. У Ричарда не возникло вопроса, попросит ли Анна когда-нибудь о подобном обучении. В его мыслях не нашлось места для возможности, что она вправе отвергнуть идею, представлявшуюся ему благодеянием. Он просто вообразил их согласие — и принял воображаемое за неизбежное.

За окном окончательно прояснилось. Сквозь тучи прорезался узкий луч холодного солнца и лёг на паркет, разделив комнату на две части: светлую и тёмную. Ричард смотрел, как полоска света медленно перемещается к ножке стола. На мгновение ему захотелось остановить её. Не вмешаться, не поправить предмет, а задержать само движение времени — подобно тому художнику, который когда-то сделал фарфоровую танцовщицу. Он знал, что это невозможно. Поэтому отвернулся прежде, чем свет успел изменить положение.

Он вернулся к папке, закрыл договор и положил его в верхний ящик письменного стола. Сверху аккуратно разместил анкету Анны. Теперь всё было оформлено. Законно. Благопристойно. Сторонний наблюдатель увидел бы только договор о работе, заботливого хозяина и необыкновенно щедрые условия.

Ричард ещё раз взглянул на закрытый стеклянный шкаф. — В понедельник, — негромко сказал он. Танцовщица молчала за стеклом. Её крошечная рука была навсегда поднята в воз-

дух, и ни страх, ни усталость, ни желание уйти не могли изменить эту позу. В памяти Ричарда она соединялась с лицом Анны — живым, тёплым, способным смеяться и печалиться. Он не замечал противоречия между двумя образами. Ему

казалось, что одно можно постепенно превратить в другое, ничего при этом не потеряв.

А между тем именно то, что он желал устранить, делало Анну живой. Ричард Эшфорд стоял посреди своего безупречного кабинета и думал, что наконец встретил женщину, красота которой достойна настоящей заботы.

Ещё ни разу он не произнёс про себя слово «любовь». Но всё, что впоследствии он станет этим словом оправдывать, уже начиналось.

Глава III. Вещи, которые выбирают за нас

I. Хозяин

Автомобиль остановился у широкого крыльца, и Анна Рид не сразу решилась открыть дверцу. Эшфорд-Мэнор возвышался над мокрым садом, безупречный до неправдоподобия: ровные линии окон, каменные львы у лестницы, ни одного опавшего листа на плитах. Вчера, укладывая последние вещи в чемодан, она думала о жалованье, о новой работе и о том, как удачно ей удалось выбраться из неприятной полосы жизни. Теперь она думала только об одном: не окажется ли этот прекрасный дом очередной ошибкой.

Возле крыльца стояли трое мужчин. Один из них был Ричард Эшфорд. Другой, пожилой управляющий, сжимал папку так, что побелели пальцы. Третий не отрывал взгляда от носков собственных ботинок.

Анна остановилась на расстоянии, не желая вмешиваться. — Я спросил, когда вы узнали о несчастном случае, Уэйд. — Вчера вечером, сэр. Но подрядчик уверял, что рабочий сам нарушил инструкцию…

— Я не спрашивал, кого удобно назначить виновным. В голосе Эшфорда не было ничего повышенного. Он говорил так, словно зачитывал цифры из отчёта. Тем страшнее выглядело смятение управляющего.

— Человек упал с лесов на моей территории. Он в больнице. А вы обсуждаете со мной, как избежать расходов. Вы перепутали свои обязанности.

— Я лишь хотел защитить ваши интересы. — Мои интересы определяю я. До окончания проверки вы отстранены от принятия решений по подрядчикам.

Подготовьте документы. Все. Без исключений. Третий мужчина пробормотал нечто о страховой компании. — Юрист займётся страховкой. Вы обеспечите семье пострадавшего необходимую помощь. Сегодня. Не завтра, не после согласования. Сейчас.

Он замолчал. Уэйд попытался ещё что-то сказать, но Ричард лишь посмотрел на него, и тот опустил голову. Ни угрозы, ни ругательства.

Один взгляд. Анна почувствовала холодок вдоль позвоночника. В эту минуту Ричард заметил её. — Мисс Рид. Идите сюда. Приглашение прозвучало приказом. Анна подчинилась прежде, чем успела решить, нравится ли ей подобный тон, и тут же рассердилась на себя за эту поспешность.

— Доброе утро, мистер Эшфорд. — Дорога не была тяжёлой? — Всё в порядке. Он внимательно посмотрел на её лицо, затем на правую ногу. Анне показалось, будто он видит даже то, что она старается скрыть. — Маргарет проводит вас в комнату. Разберите вещи и отдохните. К обязанностям приступите после обеда. — Но я могу работать сразу. — Я не сомневаюсь, что можете. Я сказал — после обеда.

Он повернулся к управляющей, появившейся в дверях: — Позаботьтесь о багаже мисс Рид. Никаких чемоданов в её руках. Нога была травмирована — это

указано в документах. Не забывайте. — Конечно, сэр.

Ричард снова посмотрел на Анну. — И ещё. В этом доме допускают ошибки, но не скрывают их. Запомните.

Он ушёл, даже не дожидаясь ответа. Анна стояла на крыльце, ощущая одновременно досаду и тревожное восхищение. Она видела богатых, грубых, капризных людей. Но человека, чьё спокойствие действовало на окружающих сильнее крика, ей прежде видеть не приходилось.

«Он несносен», — решила она. И невольно вспомнила его голос. Короткий, низкий, совершенно уверенный. От воспоминания по телу прошла непрошеная дрожь, которую Анна поспешила объяснить прохладой.

II. Гардероб

Маргарет Хейл провела её по широкому коридору на верхний этаж. Здесь пахло полированным деревом, лавандой и чистым бельём. Комната, приготовленная для Анны, оказалась просторнее её прежней квартиры. Большая кровать, мягкий ковёр, письменный стол возле окна, отдельная ванная.

За соседней дверью — гардеробная. Анна открыла её и застыла. Здесь висели платья, костюмы, шёлковые блузы, кашемировые кардиганы, пальто. Ни одной случайной вещи. Оттенки, материалы и линии были подобраны с такой точностью, будто невидимый художник составлял композицию.

— Это для меня? — Мистер Эшфорд велел приготовить вам гардероб, соответствующий дому. — Но я экономка, Маргарет. Не гостья. — Его распоряжение не зависело от этой разницы. Анна открыла выдвижной ящик. Там лежали комплекты La Perla, Carine Gilson и Bordelle — шёлк, кружево, тонкие ремешки и безупречные застёжки. Анна невольно коснулась чёрной ткани и почувствовала смесь удовольствия и стыда.

— И это он выбирал? Маргарет помедлила. — Все закупки утверждал мистер Эшфорд. — Мужчина, с которым я почти не знаком, выбирал моё бельё? — Я могу передать ему ваши вопросы. — Не надо. Я задам их сама. Маргарет склонила голову, но в её взгляде мелькнуло что-то похожее на тревогу. Она помогла поставить чемодан у кровати и оставила Анну одну.

В комнате стало тихо. Анна убрала фотографию матери на стол, достала свои книги, старые балетные туфли, неуклюжую коробку с лекарствами для ноги. Привычные вещи выглядели странными в этом великолепии, словно свидетели прежней жизни, которых никто не приглашал.

Она вернулась к гардеробу. Чёрный комплект был действительно прекрасен. Любовь к красивым вещам Анна не считала пороком; бедность научила её ценить даже небольшую роскошь.

Никто не запрещал примерить подарок. И никто не мог превратить примерку в обязательство. Она закрыла дверь гардеробной и осталась одна с чёрным комплектом. Шёлк

La Perla ещё хранил запах нового, тонкий и чуть холодный. Анна сняла своё обычное бельё и на секунду замерла перед зеркалом голой. Привычный вид: узкие бёдра, небольшая грудь, шрам на ноге, который она старалась не замечать. Ничего особенного. Но руки уже тянулись к чёрным трусикам.

Она надела их медленно. Тонкая ткань скользнула по бёдрам, легла между ног. Крошечный треугольник едва прикрывал половые губы — они проступали под шёлком мягким, тёплым контуром. Анна провела пальцами по кромке, поправила, и почувствовала, как ткань чуть вдавилась в нежную кожу. Стыдно. И приятно. Она никогда не носила такого. Её бельё всегда было практичным, выцветшим, купленным на распродаже. А здесь — настоящее, дорогое, выбранное чужим мужчиной. Мысль об этом кольнула неловкостью: он утверждал покупки, значит, он представлял, как это будет сидеть на ней. На её груди. Между её ног.

Бюстгальтер сел идеально. Чашечки приподняли грудь, соски сразу затвердели от прохладного шёлка и упёрлись в ткань. Анна повернулась боком, потом спиной, потом снова лицом. В зеркале была не экономка с усталыми глазами, а женщина с прямой спиной бывшей танцовщицы. Грудь выглядела выше, талия тоньше, а низ живота и тёмная полоска волос над трусиками — как нарочно подчёркнутые.

Она распустила волосы. Улыбнулась себе. Провела ладонями по бокам, слегка сжала грудь через шёлк, посмотрела, как соски проступают. Затем опустила взгляд ниже. Половые губы чуть припухли от прикосновения ткани, и от этого вида внутри снова шевельнулось странное тепло. Она всегда хотела носить красивое. Просто никогда не могла себе позволить. И теперь это было на ней — от постороннего человека, который почти не знал её.

Неловкость смешивалась с тихим, запретным удовольствием. Дверь открылась. — Анна. Ричард вошёл без стука. На мгновение у неё перехватило дыхание. Она схватила лежавшую на кресле блузку и прижала к груди.

— Выйдите! Он остановился. Его взгляд скользнул по зеркалу, по Анне, по чёрному шёлку. Лицо оставалось невозмутимым.

— Я собирался обсудить гардероб. — Когда я одета! Это моя комната! — Я вижу, что вы заняты. Не кричите. От этих слов Анна замолчала — и тут же ощутила злость на себя. Но под злостью вспыхнуло другое. Он смотрел. Спокойно, прямо, без смущения. Сильный, чужой мужчина стоял в дверях и видел её в этом белье — грудь, едва прикрытую чашечками, тонкую полоску шёлка между ног. Взгляд его задержался на секунду дольше, чем нужно. И в эту секунду между её ног стало влажно.

Горячо. Она почувствовала, как трусики намокают изнутри, как её собственный сладкий сок проступает сквозь тонкую ткань. Тело отреагировало раньше, чем мысль. Стыд и неожиданное возбуждение ударили одновременно — от того, что он видит, от того, что она стоит перед ним почти голая, от его спокойного, уверенного присутствия. Она сжала бёдра. Шёлк прилип к влажным половым губам.

— Мистер Эшфорд, пожалуйста, покиньте комнату.

Он посмотрел на бретель, перекрутившуюся на плече. — Не двигайтесь. Анна не успела отступить. Он поправил ткань кончиками пальцев — коротко, точно — и слегка приподнял её подбородок. Прикосновение обожгло. Между ног стало ещё мокрее. Она стояла неподвижно, чувствуя, как тепло разливается по низу живота, как трусики пропитываются её соком, и как внутри всё сжимается от странного, незнакомого возбуждения: сильный мужчина смотрел на неё и трогал, а её тело отзывалось, хотя разум кричал, что это неправильно.

— Вот так. Идеально. Она резко отступила, прижимая блузку плотнее. Ноги чуть дрожали. Влажность между ними не проходила.

— Не трогайте меня без разрешения. Голос прозвучал хрипло. Ричард опустил руку. Взгляд его стал жёстче, холоднее.

— Вы могли бы сказать это спокойнее. — А вы могли бы постучать! Она стояла, сжимая блузку так, что костяшки побелели. Грудь под тонким шёлком всё ещё тяжело поднималась, соски оставались твёрдыми, упираясь в ткань. Между ног горело. Она чувствовала, как влага медленно стекает вниз, как трусики пропитываются всё сильнее, и как от этого становится ещё стыднее — и ещё горячее. Он видел её. Он тронул. И её тело ответило раньше, чем она успела решить, хочет ли этого.

Ричард медленно кивнул. — Впредь буду стучать. Через некоторое время жду вас в кабинете. Деловая одежда. Удобная обувь.

Он развернулся и вышел. Не извинился. Не обернулся. Дверь закрылась за ним тихо.

Анна осталась одна. Несколько секунд просто стояла, слушая, как в ушах стучит кровь. Потом бросилась к двери и повернула ключ. Руки дрожали так сильно, что металл дважды выскальзывал. Когда замок наконец щёлкнул, она прислонилась лбом к дереву и закрыла глаза.

В тишине комнаты возбуждение не уходило. Наоборот, стало отчётливее. Она чувствовала каждую каплю между ног, как шёлк прилипает к припухшим половым губам, как низ живота сжимается короткими, предательскими волнами. Низкий голос, спокойный приказ «не двигайтесь», его пальцы на бретели и подбородке — всё это отозвалось внутри чем-то старым и забытым. Как когда-то в зале, когда учитель говорил «выше», «держите», «не шевелитесь», и тело слушалось раньше мысли. Только тогда это была дисциплина. А сейчас — стыдное, мокрое желание.

Она подошла к зеркалу снова. Блузку так и не надела. В отражении стояла та же женщина в чёрном шёлке, только теперь грудь вздымалась быстрее, а между ног ткань потемнела

от влаги. Анна провела пальцами по кромке трусиков, едва касаясь. Влажно. Скользко. Её собственный сладкий сок. От постороннего мужчины. От того, что он смотрел и трогал.

«Это не значит, что я согласилась», — прошептала она отражению. Но пальцы не убрались сразу. И мысль о его взгляде, о том коротком прикосновении, о его спокойной уверенности не уходила. Между ног всё ещё было горячо и мокро, и с каждой секундой становилось только отчётливее, что тело помнит и хочет продолжения, хотя разум уже кричит, что это ошибка.

III. Граница

Ричард сидел за столом, когда Анна вошла в кабинет. Не встал. Только закрыл папку. — Дверь. Затем ко мне.

Она закрыла дверь, подошла и остановилась. Три коротких слова — и она снова исполнила распоряжения прежде, чем успела подумать. Это раздражало. — Я хочу сказать о случившемся в моей комнате. — Говорите.

— Вы вошли без предупреждения. Прикоснулись ко мне. Я не давала разрешения.

Он медленно снял очки. — Вы хотите гарантий, что это не повторится? — Да. — Получите. Я буду стучать. И впредь не коснусь вас без согласия. Анна выдохнула. Но облегчение оказалось коротким. — В свою очередь, Анна, учитесь владеть собой. Я не потерплю истерик в рабочее время. — Я не устраивала истерику. Я испугалась. — Именно поэтому вам следует научиться отличать страх от потери самообладания. — А вам — отличать просьбу от приказа.

Он долго смотрел на неё. Не кричал, не спорил, и это молчание оказалось тяжелее любых резких слов. — Сядьте.

Она села, но только потому, что решила выслушать его до конца. Ричард раскрыл папку с должностными обязанностями. Говорил о честности, точности, порядке, о том, что не станет терпеть сокрытия ошибок. Анна отвечала спокойно, пока речь не зашла об одежде. — Форму для работы я понимаю. Но личное бельё — не ваша компетенция. — Предметы были куплены для вас. Не превращайте подарок в обвинительный акт. — Тогда позвольте мне решать, пользоваться подарком или нет.

Он задержал на ней взгляд. — Решайте. Но я рассчитываю на благодарность, а не на демонстративный протест.

Анна сжала пальцы. Он произнёс разумное слово «решайте», однако само его присутствие превращало выбор в испытание. Ей вдруг захотелось понравиться ему — и она разозлилась на это желание.

Зазвонил телефон. Ричард ответил, выслушал, затем тон его стал твёрже: — Семью пострадавшего рабочего обеспечат всем необходимым. Никаких разговоров об экономии. Человеческая жизнь не статья расходов. Если Уэйд скрыл документы, он ответит.

Положив трубку, он заметил её взгляд. — Что? — Вы действительно оплатите лечение, даже если виноват подрядчик? — Я отвечаю за людей, работающих на моей территории. Ответственность не исчезает оттого, что её неудобно исполнять.

Анна замолчала. Ей казалось невозможным совместить человека, самоуверенно вторгшегося в её комнату, с человеком, который так строго защищал неизвестного рабочего. — У вас болит нога, — неожиданно сказал Ричард. Она машинально выпрямилась. — Немного. — Не лгите. Вы переносите вес на левую сторону. Маргарет подберёт вам другую обувь. Если боль усилится, вызовем врача. — Я могу сама решить… — Решите, когда отдыхать. Я не собираюсь смотреть, как вы калечите себя ради безупречно застеленной кровати.

Она почти рассмеялась — от возмущения и неожиданного тепла одновременно.

Он умудрялся проявлять заботу тем самым тоном, который заставлял её

дрожать. — Спасибо, — тихо произнесла Анна. — За что? — За то, что заметили. — Я замечаю многое. Можете идти.

IV. Две женщины

Вечером Анна положила на кровать старые балетные туфли. Когда-то она понимала дисциплину как путь к свободе. Учитель говорил «выше», «держите спину», «ещё раз» — и её тело становилось сильнее, точнее, прекраснее. Но учитель не выбирал ей жизнь. Не проверял, чем она живёт за пределами зала.

Ричард напоминал ей наставников своей безоговорочной уверенностью. И одновременно не напоминал никого. Ей хотелось возразить ему — и порой хотелось услышать ещё один короткий приказ. От этой двойственности становилось стыдно.

«Мне может нравиться его голос. Может нравиться, когда сильный мужчина берёт инициативу. Но моё желание — не его право».

Она закрыла шкатулку и повернула ключ в двери. Убедилась, что он действительно поворачивается. Это простое действие успокоило её больше дорогих шёлковых простыней.

А Ричард в противоположном крыле поместья смотрел на фарфоровую танцовщицу — наследство матери. У фигурки было идеальное выражение, и она не менялась никогда. Но сегодня он поймал себя на том, что скучает по живому, сердитому взгляду Анны.

Ему не нужна была ещё одна кукла. Ему хотелось, чтобы женщина с собственной волей однажды избрала его волю. В этой мысли он не видел противоречия. А значит, не видел и опасности.

За окнами шёл дождь. Анна засыпала, говоря себе, что завтра будет просто работать. Ричард закрывал сейф, уверенный, что уже знает, каким будет её будущее.

Глава IV. Золотая клетка

I. Человек, которому не отказывали

В Эшфорд-Мэнор боялись не гнева хозяина. Гнева почти никто никогда не видел.

Ричард Эшфорд не повышал голоса, не устраивал сцен, не требовал объяснений по десять раз. Он обладал куда более неприятным качеством: умел принимать окончательные решения с таким спокойствием, будто человеческие судьбы представляли собой строки в финансовой ведомости. Анна поняла это случайно.

Она принесла в кабинет документы, касавшиеся предстоящего благотворительного вечера. Маргарет предупредила, что хозяин занят, однако велела оставить папку на письменном столе. Дверь была приоткрыта.

Ричард сидел в глубоком кожаном кресле. Напротив него расположились двое мужчин в дорогих костюмах. Один из них, пожилой, с красноватым лицом и потными висками, говорил слишком быстро.

— Вы должны понимать, Ричард, речь идёт о десятках миллионов. Отказ сейчас поставит под угрозу весь проект.

— Проект поставили под угрозу вы, Уэйд. Голос хозяина был совершенно ровным. — Я всего лишь подписал заключение специалистов. — Вы подписали заключение, зная, что его содержание не соответствует действительности.

Мужчина побледнел. — Это серьёзное обвинение. — Поэтому я и пригласил своего юриста. Ричард чуть повернул голову к другому собеседнику. — Достаточно оснований? — Более чем. Документы проверены. Имеются письменные предупреждения технического отдела.

Повисла тишина. Анна стояла у двери, не решаясь ни войти, ни отступить. — Ричард, — заговорил Уэйд уже другим тоном, — мы знакомы почти двадцать лет. Моя семья…

— Ваша семья не подписывала документы. — Но вы же понимаете, что со мной будет! — Понимаю. Ричард закрыл папку. — Именно поэтому вы должны были подумать об этом раньше. — Вы уничтожите мою карьеру! — Нет. Вы уничтожили её сами. Я лишь перестаю оплачивать последствия. Он повернулся к юристу. — Передайте материалы независимому расследованию. Финансирование подрядчика приостановить до проверки. Пострадавшим работникам обеспечить лечение за счёт фонда, не дожидаясь судебных решений. Если подтвердится умышленное сокрытие нарушений, подавайте иск.

— Ричард, прошу вас… — Наш разговор окончен. Мужчина ещё несколько секунд сидел неподвижно. Затем поднялся. Никто не удерживал его. Никто не угрожал ему. Но Анна вдруг ощутила, что присутствовала при чём-то страшном. Не при вспышке ярости. Не при ссоре.

При уничтожении двадцатилетнего делового союза, осуществлённом несколькими спокойными предложениями. Когда мужчины вышли, Ричард поднял глаза.

— Мисс Рид. Она вздрогнула. — Простите, дверь была открыта. Мне нужно было оставить документы. — Входите. Анна подошла к столу. Он взял папку, но не открыл её. — Вы слышали разговор? Она могла солгать. Сказать, что пришла только сейчас. Однако его взгляд почему-то лишал такую ложь всякого смысла.

— Часть разговора. — И что вы думаете? Вопрос застал её врасплох. — Не уверена, что имею право судить. — Я спросил не о вашем праве. Я спросил о вашем мнении. Анна помедлила. — Вы были очень жестоки. Ричард внимательно посмотрел на неё. — Разве? — Человек умолял вас. — Да. — И вас это совершенно не тронуло. — Должно было? — Мне кажется, двадцать лет знакомства чего-нибудь стоят. Он откинулся на спинку кресла. — Анна, представьте, что вам доверили чужого ребёнка. Вы узнали, что мост, по которому его ежедневно возят, опасен. Но человек, отвечающий за безопасность моста, скрыл документы, потому что ремонт оказался слишком дорогим. Вы продолжили бы доверять ему ребёнка?

— Конечно, нет. — Даже если знакомы с ним двадцать лет? Она промолчала. — Вот и я не собираюсь. Несколько секунд он изучал её лицо. — Вас смущает не моё решение. Вас смущает то, что я не испытываю необходимости изображать сожаление.

Анна почувствовала себя разоблачённой. И вместе с тем ей пришлось признать: по существу он был прав.

— Наверное, — тихо сказала она. — Жестокость и решительность не одно и то же, мисс Рид. Постарайтесь не путать их.

Он открыл её папку. Разговор закончился. Но Анна вышла из кабинета с неожиданным ощущением. Этот человек был способен на большое добро. И,

вероятно, на такое же большое зло. Разница заключалась лишь в том, что именно он считал правильным.

II. Женщина, которую заметили

Подготовка к благотворительному приёму захватила весь дом. Эшфорд-Мэнор постепенно преображался. В парадных залах зажигали хрустальные люстры, флористы расставляли белые орхидеи, повара обсуждали блюда с приглашённым шефом. На подъездной аллее появились автомобили охраны.

Анна отвечала за организацию обслуживания нескольких залов. Работа доставляла ей удовольствие. Здесь требовались внимание, точность, умение предвидеть неприятности. Она знала, как сделать так, чтобы десятки людей одновременно выполняли разные задачи, не мешая друг другу.

В прежней жизни её часто недооценивали. Красивую женщину с прошлым танцовщицы работодатели охотно представляли в качестве украшения приёмной, но редко доверяли серьёзную ответственность. Ричард, напротив, сразу заметил её способности. И это неожиданно много значило.

Она была в малой столовой, когда он вошёл. — Мисс Рид. Анна обернулась. — Да, мистер Эшфорд? На ней была белая шёлковая блузка, тёмная юбка и туфли на невысоком каблуке. Волосы она собрала в строгий узел. Именно такую одежду Ричард распорядился приготовить для неё. Он медленно осмотрел сервировку, затем перевёл взгляд на Анну.

— Вы изменили расстановку столов. — Да. Первоначальный вариант мешал проходу официантов. — Кто разрешил? Её лицо напряглось. — Я не думала, что для этого нужно ваше личное разрешение. Он некоторое время молчал. — Вы правильно сделали. Анна удивлённо подняла глаза. — Благодарю. — Не благодарите за очевидное. Хороший работник должен уметь принимать решения.

Он приблизился к столу, поправил один из приборов. — Ваше платье на вечер готово? — Я буду работать, мистер Эшфорд. Не думаю, что платье имеет значение. — Имеет. — Для обслуживания вполне подходит униформа. Ричард повернулся к ней. — Я не спрашивал, что подходит для обслуживания. Она почувствовала знакомое раздражение. — Тогда я не совсем понимаю вопрос. — Вы будете представлять дом. Я хочу, чтобы вы выглядели соответственно. — Я экономка, а не приглашённая дама. Он едва заметно улыбнулся. — Вы удивительно настойчиво напоминаете мне о своём положении.

— Потому что вы иногда, кажется, забываете о нём. Улыбка исчезла. На мгновение Анне показалось, что она зашла слишком далеко. Но Ричард не рассердился. Напротив, в его глазах появилось что-то похожее на интерес.

— Возможно, — произнёс он. — Однако есть разница между тем, что вы обязаны делать, и тем, что я хочу видеть.

— И если эти вещи не совпадают? Он выдержал паузу. — Тогда у нас возникает проблема. Анна почувствовала, как внутри неприятно похолодело. Ричард подошёл ближе. Он не прикоснулся к ней. После прежнего разговора держал слово. Но расстояние между ними вдруг показалось слишком маленьким.

— Вы хорошо работаете, Анна. Я ценю это. Не заставляйте меня превращать простые пожелания в предмет бесконечных споров.

— А вы не превращайте пожелания в распоряжения, которые невозможно отклонить.

Он смотрел на неё долго. — Идите, — произнёс наконец. — У вас ещё много дел. Анна вышла. И только за дверью заметила, что всё это время слишком крепко сжимала в руках блокнот. Её злило не только его поведение.

Её злило, что стоило ему приблизиться, как она начинала ощущать каждую мелочь: низкий голос, сдержанность движений, запах дорогого парфюма, спокойную уверенность мужчины, привыкшего распоряжаться обстоятельствами. Некогда подобную власть над собой она позволяла только музыке.

Теперь ей приходилось сопротивляться человеку. И сопротивление это почему-то требовало всё больше сил.

III. Чужая улыбка

Вечер проходил безупречно. Гости собирались в большом зале. Мужчины в дорогих костюмах обсуждали благотворительные проекты, инвестиции и политику. Женщины обменивались светскими любезностями. Ричард находился в центре происходящего. Анна несколько раз наблюдала за ним издалека.

Он никогда не пытался завладеть вниманием присутствующих. Это было совершенно не нужно. К нему подходили сами. Когда он говорил, его слушали. Когда замолкал, люди нередко начинали объясняться, словно тишина хозяина требовала заполнения. В какой-то момент Анна поймала себя на том, что любуется им.

Не внешностью, хотя отрицать его привлекательность было бы глупо. Её завораживало другое. Уверенность. Безусловная, почти пугающая уверенность человека, который никогда не сомневался в собственном праве принимать решения.

— Простите, мы не знакомы? Она обернулась. Перед ней стоял элегантный мужчина лет пятидесяти. — Доктор Джонатан Харрингтон, — представился он. — Я участвую в проекте реабилитационного центра.

— Анна Рид. Мужчина улыбнулся.

— Рид… Вы случайно не занимались танцами? Она удивилась. — Занималась. — Я видел вас на сцене. Несколько лет назад, в Лондоне. Если не ошибаюсь, вы танцевали в постановке «Жизели»?

Анна почувствовала, как сердце неожиданно сжалось. Прошлая жизнь. Другая Анна. Женщина, которая могла подняться на носки, совершить несколько вращений и не думать о боли.

— Да, — ответила она. — Это было давно. — Вы были замечательной танцовщицей. Она улыбнулась. И улыбка вышла совсем не такой, какой она улыбалась в этом доме. Искренней. Без осторожности.

— Благодарю вас. Мне очень приятно, что кто-то ещё помнит. Они разговорились. Доктор оказался остроумным, внимательным собеседником. Он знал о её травме, поскольку когда-то интересовался судьбой нескольких артистов после тяжёлых операций. Анна неожиданно для себя рассказала больше, чем собиралась.

О сцене. О потере профессии. О годах, когда ей казалось, что вместе с танцем закончилась вся жизнь. Харрингтон слушал внимательно.

— Вы знаете, медицина не стоит на месте, — сказал он. — Возможно, некоторые современные методы лечения могли бы облегчить ваше состояние.

— Я уже почти перестала надеяться. — Напрасно. Я мог бы порекомендовать вам хорошего специалиста. Анна рассмеялась. — Доктор, вы даже на благотворительном вечере продолжаете лечить людей. — Профессиональная деформация. Она снова улыбнулась. Именно в этот момент Ричард увидел их. Он стоял возле камина, беседуя с представителем крупного

инвестиционного фонда. Взгляд его остановился на Анне. Она смеялась. Не вежливо улыбалась, отвечая на вопрос хозяина. Не благодарила за похвалу.

Она смеялась свободно и легко, чуть запрокинув голову. Словно в доме не существовало Ричарда Эшфорда. Это было нелепое чувство. Он прекрасно понимал, насколько оно нелепо. Женщина разговаривала с гостем. Ничего более.

И всё же внутри возникло раздражение, настолько резкое, что Ричарду пришлось заставить себя выслушать собеседника до конца. Он не привык ревновать. Ещё меньше он привык испытывать ревность к тому, что ему даже не принадлежало. Не принадлежало. Мысль оказалась неприятной.

Он поставил бокал на поднос проходившего официанта. — Прошу простить меня на минуту. И направился к ним. Анна заметила его первой. Улыбка ещё оставалась на её губах. Ричард остановился рядом.

— Джонатан. — Ричард! Прекрасный вечер. Я как раз говорил с мисс Рид о её прошлом на сцене.

— Весьма любезно с вашей стороны. — Представляешь, я действительно видел её выступление. — Не сомневаюсь. Ричард повернулся к Анне. — Мисс Рид, ваше присутствие требуется в малой столовой.

Она удивилась. — Но там всё закончено. — Тогда вам не составит труда проверить ещё раз. Харрингтон посмотрел на него. — Ричард, мы всего лишь… — Джонатан, полагаю, вас ожидают представители фонда. Тон оставался безукоризненным. Но Анна почувствовала, как изменилась атмосфера. Доктор, немного смутившись, извинился и отошёл. Ричард даже не посмотрел ему вслед. Он смотрел на Анну.

— Идите. Она не двинулась. — Почему? Его брови едва заметно поднялись. — Простите? — Почему вы прервали наш разговор? — Потому что у вас есть обязанности. — Они выполнены. — В таком случае найдите Маргарет и уточните, не требуется ли ваша помощь где-нибудь ещё.

— Мистер Эшфорд… — Анна. Он произнёс её имя негромко. Но таким тоном, что она замолчала. — Не здесь. Её лицо вспыхнуло. Она ощутила взгляды нескольких гостей. Ричард между тем уже повернулся к подошедшему банкиру и продолжил разговор так естественно, словно ничего не произошло. Анна осталась стоять одна. И впервые за всё время работы в поместье ощутила не просто раздражение. Унижение.

Её публично отослали, как провинившуюся школьницу. За что? За улыбку? За разговор? За то, что несколько минут она не думала о человеке, которому принадлежал этот дом?

IV. Наказание

Ричард вызвал её в кабинет после окончания приёма. Маргарет передала распоряжение совершенно спокойным голосом, однако избегала смотреть Анне в глаза.

— Мистер Эшфорд просит вас зайти. — Сейчас? — Да, дорогая. Анна устала. Болела нога, хотелось снять туфли, распустить волосы и наконец остаться одной. Но сильнее усталости было возмущение. Она постучала.

— Войдите. Ричард стоял возле окна. Пиджак висел на спинке кресла. Рукава белой рубашки были аккуратно закатаны. Он не обернулся сразу.

— Закройте дверь. Анна выполнила распоряжение. — Вы хотели меня видеть? — Да. Он повернулся.

— Подойдите. Она осталась стоять возле двери. — Я слышу вас отсюда. Ричард медленно опустил взгляд на её лицо. — Я сказал: подойдите. Анна почувствовала, как сердце ускорило удары. Несколько секунд они смотрели друг на друга. Затем она сделала несколько шагов. Не потому, что не могла отказаться. Потому, что не хотела превращать расстояние между дверью и столом в бессмысленное сражение. Но Ричард, похоже, воспринял это иначе.

— Вот так, — произнёс он. — Гораздо лучше. Эти два слова взбесили её сильнее, чем открытая грубость. — Если вы вызвали меня, чтобы обсуждать сегодняшний вечер, я хотела бы сказать…

— Я знаю, что вы хотите сказать. — Не думаю. — Вы считаете, что я обошёлся с вами несправедливо. — Да. — Что унизил вас перед гостями. — Именно. — И что не имел права прерывать вашу беседу с доктором Харрингтоном. — Совершенно верно. Ричард сел. — Хорошо. Теперь я объясню вам, что произошло. Анна стиснула пальцы. — Я не нуждаюсь в объяснении того, что видела собственными глазами. Он поднял взгляд. — Осторожнее, Анна. Её возмущение на мгновение уступило место тревоге. В его голосе не было злости. Было предупреждение.

— Вы забылись, — продолжил он. — Вы находились при исполнении своих обязанностей и позволили себе продолжительную личную беседу с гостем.

— Доктор сам подошёл ко мне. — Это несущественно. — Мы говорили о моей прежней профессии! — Я слышал. — Тогда в чём проблема? Ричард помолчал. — Мне не понравилось. Анна замерла. Она ожидала чего угодно. Обвинений в нарушении дисциплины. Разговора о правилах поведения персонала. Но не этой откровенной фразы.

— Что именно вам не понравилось? — спросила она. — Ваше поведение. — Я смеялась, мистер Эшфорд. Не совершала преступления. — Не преувеличивайте. — Тогда объясните, почему моё хорошее настроение вызвало у вас такое раздражение.

Он медленно встал. — Потому что вы начинаете позволять себе слишком многое.

Анна почувствовала холод в груди. — Например? — Например, забывать, где находитесь. — В доме, где работаю. — Именно. — А не в тюрьме. Тишина стала почти осязаемой. Ричард обошёл стол. Он остановился в нескольких шагах от неё.

— Вы действительно хотите сейчас произнести это слово? — Я хочу, чтобы вы перестали обращаться со мной так, словно имеете право распоряжаться моей личной жизнью!

Впервые её голос прозвучал громче обычного. Ричард не повысил своего. — Опустите голос. — Нет! Слово вырвалось прежде, чем она успела подумать. Он остановился. Анна ощутила страх. Настоящий. Не тот смутный трепет, который иногда вызывали его близость и суровость, а простой человеческий страх перед человеком, от которого зависели её работа и крыша над головой.

Ричард медленно посмотрел на часы. Затем снова на неё. — Вы закончили? Анна тяжело дышала. — Да. — Прекрасно. Он вернулся к столу. Открыл небольшую папку, вынул лист бумаги и положил перед собой.

— В таком случае выслушайте меня. Она молчала. — Я не собираюсь спорить с вами о вашем праве разговаривать с мужчинами. Оно у вас, разумеется, есть.

Анна почувствовала мгновенное облегчение. Но следующая фраза заставила его исчезнуть.

— Однако я определяю круг ваших служебных обязанностей, доступ к закрытым мероприятиям и порядок общения персонала с гостями. И здесь последнее слово остаётся за мной.

— Вы хотите запретить мне разговаривать с людьми? — Я хочу, чтобы вы понимали разницу между личной свободой и служебным положением.

Он взял ручку. — Начиная со следующего мероприятия, организацией приёмов будет заниматься Маргарет. Вы возвращаетесь к внутреннему хозяйству и документации.

Анна словно получила пощёчину. — Что? — Вы меня слышали. — Но я прекрасно справилась! — Я знаю. — Тогда почему? Он посмотрел ей прямо в глаза. — Потому что мне так угодно.

Анна почувствовала, как к горлу подступает ком. Её не просто отстраняли от работы, в которую она вложила столько сил. Её наказывали за непокорность. И человек перед ней даже не считал необходимым скрывать это.

— Это несправедливо. — Возможно. — Вы признаёте? — Я не обязан принимать решения, которые кажутся вам справедливыми. Она смотрела на него почти с ненавистью. — Значит, всё, что вы говорили о моей работе, ничего не стоит? Ричард чуть нахмурился. — Напротив. Вы исключительно способная женщина. — Тогда вы ведёте себя как тиран. Он поднялся. Анна невольно отступила. Ричард заметил движение. И остановился. Несколько мгновений смотрел на неё — на побледневшее лицо, напряжённые плечи, руки, сжатые у груди. Что-то изменилось в его выражении. Но не раскаяние.

Скорее раздражение от того, что результат разговора оказался не таким, каким он его представлял.

— Вы меня боитесь, Анна? Она не ответила. — Я задал вопрос. — Сейчас — да. Слова прозвучали тихо. Ричард долго молчал. — И всё же вы продолжаете спорить. — Потому что страх не означает, что вы правы. Он отвёл взгляд. Впервые за весь разговор. — Идите к себе. Анна не двинулась. — Я хочу знать, за что именно меня наказали. Ричард снова посмотрел на неё. — За то, что вы решили испытать границы моего терпения. — Нет, — прошептала она. — За то, что я вам не принадлежу. Выражение его лица стало неподвижным. На мгновение Анне показалось, что она увидела что-то настоящее — что-то скрытое за воспитанием, холодной учтивостью и безупречными манерами. Затем оно исчезло.

— Спокойной ночи, мисс Рид. Она вышла. И лишь оказавшись в коридоре, поняла, что дрожит.

V. Цена свободы

Анна долго сидела в своей комнате, не переодеваясь. Нога болела. Пальцы были холодными. На туалетном столике лежала записка от Маргарет с перечнем новых обязанностей. Всё выглядело вполне разумно.

Работа с хозяйственными документами. Проверка запасов. Контроль состояния гостевых комнат. Координация уборки. Ничего унизительного. Ничего, на что можно было бы пожаловаться. И именно это делало случившееся особенно мерзким. Ричард не лишил её зарплаты. Не оскорбил при свидетелях.

Не совершил ничего, что можно было бы легко объяснить постороннему человеку. Он просто показал, насколько легко способен забрать у неё то, что сам

прежде позволил иметь. Анна расстегнула туфли. Ей вспомнились годы после травмы. Дешёвые квартиры. Бесконечные собеседования.

Работодатели, обещавшие достойную оплату и затем находившие десятки причин платить меньше. Она слишком хорошо знала, что такое зависеть от чужого решения. И так отчаянно надеялась, что здесь всё будет иначе. На письменном столе лежал трудовой договор. Анна открыла его. Пункт о расторжении.

Срок предупреждения. Условия проживания. Она могла уйти. Юридически ничто не удерживало её. Но куда? Возвращаться в город? Снова искать работу? Снимать комнату, отдавая почти весь заработок? Снова начинать жизнь, которую она с таким трудом пыталась изменить? Анна закрыла договор.

И почувствовала невыносимую злость. Не на Ричарда. На собственную уязвимость. Он, вероятно, никогда не сталкивался с необходимостью выбирать между достоинством и арендной платой. Для него свобода была естественной, как воздух. Для неё — чем-то, за что приходилось платить.

В дверь осторожно постучали. — Анна? Маргарет. — Войдите. Пожилая женщина остановилась на пороге. — Вы ещё не спите. — Как видите. Маргарет заметила раскрытый договор. Затем посмотрела на лицо Анны. — Он отстранил вас от приёмов? — Вы уже знаете? — Мне передали распоряжение. Анна горько усмехнулась. — В этом доме новости распространяются быстрее, чем хочется. Маргарет не ответила. — Скажите, — внезапно спросила Анна, — он всегда такой? — Какой? — Жестокий. Маргарет помолчала. — Мистер Эшфорд умеет быть

очень щедрым. — Я заметила. — И очень требовательным. — Это тоже. Пожилая женщина подошла к креслу. — Он привык, что люди делают то, что он считает правильным. — А если не делают? Маргарет отвела взгляд. — Тогда он старается убедить их. — И если не получается? Молчание затянулось. Анна почувствовала неприятный холод. — Маргарет? — Дорогая, — тихо произнесла та, — я работаю здесь много лет. За это время я поняла одну вещь. Мистер Эшфорд редко забывает о том, чего хочет.

— Вы пытаетесь меня предупредить? — Я пытаюсь ответить на ваш вопрос.

— Он опасен? Маргарет посмотрела на неё с выражением, которого Анна прежде никогда не видела.

— Это зависит от того, что именно он решит считать своим. Она поднялась. — Постарайтесь отдохнуть. Завтра будет много работы. И ушла. Анна ещё долго сидела неподвижно. Последняя фраза продолжала звучать в её голове.

«Что именно он решит считать своим».

VI. Знак собственности

Ричард не спал. Он сидел в библиотеке, держа в руках бокал виски, к которому почти не притронулся. Разговор с Анной раздражал его. Но не потому, что она повысила голос. Люди нередко спорили с ним. Особенно те, кто ещё не понимал, насколько бесполезно пытаться изменить уже принятое им решение.

Обычно подобные ситуации не оставляли после себя ничего, кроме кратковременного неудовольствия. С Анной было иначе. Он помнил каждое её слово. Каждое движение. То, как она отступила, когда он приблизился. И особенно — как произнесла:

«За то, что я вам не принадлежу». Ричард поставил бокал. Впервые за долгое время ему хотелось разбить что-нибудь. Не потому, что он лишился самообладания. Потому, что женщина, с которой он был знаком совсем недавно, сумела назвать вслух мысль, которую он сам предпочитал не формулировать. Он хотел обладать ею. Не только её красотой.

Не только её вниманием. Ему хотелось, чтобы она ждала его шагов, прислушивалась к голосу, замечала изменение настроения. Чтобы его одобрение было для неё важнее похвалы других. Чтобы она сама приходила к нему, когда ей было страшно. Чтобы искала защиты именно у него.

И чтобы никто другой не мог вызвать ту свободную, беззаботную улыбку, которую сегодня получил Харрингтон. В этом последнем желании было что-то почти оскорбительное для его разума. Ричард привык считать себя человеком, не зависящим от собственных прихотей.

А теперь какая-то женщина смеялась с другим мужчиной — и весь вечер потерял для него значение. Он подошёл к письменному столу. Открыл нижний ящик. Внутри лежала узкая коробка из тёмной кожи. Ювелир доставил её раньше срока. Ричард вынул украшение.

Чокер из мягкой чёрной кожи, с безупречно выполненными золотыми застёжками. В центре — небольшой бриллиант, под которым располагалась изящная золотая буква R. Он провёл пальцем по гладкой поверхности. Вещь была прекрасна. Строгая. Элегантная. Почти вызывающая. Он представил её на шее Анны.

Чёрная кожа на светлой коже. Бриллиант в ложбинке у основания горла. Её тёмные волосы, собранные наверх. Ричард закрыл глаза. Воображение нарисовало слишком ясную картину. Анна стоит перед ним, опустив руки. Не спорит. Не прячет взгляд. Позволяет ему застегнуть украшение. И улыбается.

Не той улыбкой, которую он видел сегодня. Другой. Адресованной исключительно ему. Ричард открыл глаза. Его раздражало, что даже в

воображении он не мог заставить её сделать это без сопротивления. Он позвонил. Через несколько минут появилась Маргарет.

— Вы звали, сэр? — Да. Ричард протянул ей коробку. — Отнесите мисс Рид. Маргарет посмотрела на украшение. Её лицо едва заметно изменилось. — Сегодня, сэр? — Именно. Она не взяла коробку сразу. — Простите мою дерзость, мистер Эшфорд, но, возможно, после сегодняшнего разговора…

— Маргарет. Пожилая женщина замолчала. — Я не спрашивал вашего мнения. Она опустила глаза. — Разумеется, сэр. — И ещё. Маргарет подняла голову. — Не нужно объяснять мисс Рид значение подарка. Она достаточно умна, чтобы понять самостоятельно.

Когда дверь закрылась, Ричард остался один. Он вновь подумал об Анне. О её гордости. О том, как отчаянно она старалась не показать страх. И о том, с каким усилием произнесла слово «нет». Он неожиданно улыбнулся. Не доброй улыбкой.

Улыбкой человека, который только что обнаружил препятствие, достойное его внимания.

VII. Чёрная кожа

Анна уже собиралась лечь, когда снова постучали. Увидев коробку в руках Маргарет, она сначала подумала, что управляющая ошиблась комнатой.

— Это вам, дорогая. — От кого? Маргарет не ответила. Ответ был очевиден. Анна открыла коробку. Несколько секунд смотрела на украшение. Потом подняла глаза.

— Он шутит? — Боюсь, нет. — После сегодняшнего разговора? Маргарет молчала. Анна вынула чокер. Мягкая чёрная кожа казалась почти тёплой на ощупь. Золото было настоящим. Бриллиант ловил свет лампы. На маленькой пластинке ясно выделялась буква R.

— Ричард, — произнесла она. — Вероятно. Анна горько усмехнулась. — Он даже не пытается скрывать. — Что именно? — Вы прекрасно понимаете. Она положила украшение обратно. — Передайте, что я не могу принять подарок.

Маргарет помедлила. — Я передам. — Нет. Лучше я скажу сама. Анна направилась к двери. — Мисс Рид… Она остановилась. — Что? Маргарет посмотрела на коробку. — Иногда подарки в этом доме оказываются дороже, чем кажутся. Анна ничего не ответила. Она спустилась в библиотеку. Ричард стоял у камина. Когда она вошла, он обернулся. Его взгляд опустился на коробку в её руках.

— Не понравилось? — Украшение красивое. — Но? Анна подошла к столу и положила коробку на полированную поверхность. — Я не могу его принять. Ричард некоторое время смотрел на неё. — Почему? — Вы прекрасно знаете почему. — Предпочитаю услышать. Она открыла коробку. — Здесь ваша буква. — Несомненно. — Вы дарите мне украшение со своим именем. — С инициалом. — Это ничего не меняет! Он спокойно посмотрел на неё. — Вы всегда так остро реагируете на подарки? — Когда они похожи на клеймо — да. Ричард замер. Слово явно ему не понравилось. — Выбирайте выражения, Анна. — Тогда объясните мне, что означает эта буква. Он приблизился к столу. Взял украшение. Посмотрел на него. — Она означает, что вещь изготовлена по моему заказу. — И больше ничего? Он поднял глаза. — А вам хотелось бы, чтобы она означала больше? Анна почувствовала, как лицо заливает жар. — Не пытайтесь перевернуть мои слова. Ричард осторожно положил чокер обратно. — Вам не нравится украшение, потому что вы боитесь смысла, который сами ему приписываете.

— Я не боюсь. — Тогда почему вы здесь? — Потому что не хочу быть обязанной вам ещё и за это! Её голос дрогнул. Ричард заметил. Он замечал слишком многое. — Посмотрите на меня. Анна не подняла головы.

— Анна. Она заставила себя встретить его взгляд. — Вы полагаете, что я покупаю ваше расположение? — Я не знаю, что вы делаете. — А я знаю. Он произнёс это с неприятной уверенностью. — Я дарю красивую вещь красивой женщине. — Которая работает у вас. — И что? — Это делает всё гораздо сложнее! На мгновение между ними возникла тишина. Ричард смотрел на неё почти с любопытством.

— Вы слишком много думаете о последствиях. — Потому что мне приходится с ними жить. Эта фраза заставила его замолчать. Анна глубоко вдохнула. — Вы можете позволить

себе делать что угодно, мистер Эшфорд. Сегодня рассердились — завтра передумали. Сегодня похвалили — завтра наказали. Для вас это всего лишь решение.

Она почувствовала, как к глазам подступают слёзы, и разозлилась на себя ещё сильнее.

— А мне приходится думать, как жить дальше. Ричард не двигался. Она продолжила: — Мне нравится моя работа. Мне нравится этот дом. И да, мне нравится, когда вы довольны моей работой. Но я не хочу каждый раз гадать, каким будет ваше настроение и что я сделала не так.

Он молчал. — Вы спрашивали, боюсь ли я вас. Да, иногда боюсь. И не потому, что вы кричите или угрожаете. А потому, что никогда не знаю, где проходит граница между вашей заботой и вашей властью.

Ричард медленно отвёл взгляд. Его лицо стало задумчивым. — Вы закончили? Анна почувствовала, как внутри всё оборвалось. — Да. Он закрыл коробку. — Хорошо. Взял её в руки. Затем снова протянул Анне. — Оставьте у себя. Она растерянно посмотрела на него. — Вы меня не услышали? — Услышал каждое слово. — Тогда почему… — Потому что вы не обязаны надевать украшение. Он помедлил. — Пока не захотите сами. Анна посмотрела на него. И неожиданно поняла, что это не уступка. Ричард не отказался от своего намерения. Он просто решил ждать.

— Я не обещаю, что когда-нибудь его надену. — Я и не просил обещания. Она взяла коробку. Сделала шаг назад.

— Спокойной ночи, мистер Эшфорд. — Спокойной ночи, Анна. У самой двери он добавил: — И ещё одно. Она остановилась. — Завтра вы продолжите работу с Маргарет. Моё решение остаётся в силе. Анна закрыла глаза. На одно короткое мгновение она почти поверила, что он понял её. Но нет. Он лишь выслушал. И оставил всё по-своему.

VIII. Дверь, которую можно открыть

Возвращаясь к себе, Анна свернула не в тот коридор. Или ей только хотелось так думать. Западное крыло было погружено в полумрак. Настенные светильники горели через один. За высокими окнами шумели старые деревья. Она остановилась возле закрытой двери.

Той самой, возле которой прежде замечала Маргарет. Дверь была массивной, из тёмного дерева, с латунной ручкой. Под ней виднелась узкая полоска света. Анна нахмурилась. Ей говорили, что крыло не используется. Она подошла ближе. Изнутри не доносилось ни звука. Рука невольно потянулась к ручке.

— Я бы не советовала. Анна вздрогнула. Маргарет стояла в нескольких шагах. — Боже! Вы меня напугали. — Простите. — Что там? Управляющая посмотрела на дверь. — Старая часть дома. — Я вижу. Но почему там горит свет? — Некоторые комнаты регулярно проверяют. Анна недоверчиво взглянула на неё. — Здесь кто-то жил? — Когда-то. — Кто? Маргарет молчала. Потом произнесла: — Вы устали, дорогая. Идите отдыхать. Она подошла к двери. Проверила замок. Не открыла. Лишь убедилась, что он заперт. И это движение почему-то обеспокоило Анну больше любых объяснений. Она повернулась и пошла к своей комнате. Но успела услышать, как Маргарет тихо произнесла за её спиной:

— Не ищите ответов там, где они могут причинить вам боль. Анна не обернулась. В своей комнате она положила чокер на туалетный столик. Долго смотрела на золотую букву. Потом подошла к зеркалу. Собственное отражение показалось ей чужим. Красивая комната. Дорогая одежда. Мягкий ковёр. Огромная кровать. Работа, о которой она ещё недавно могла только мечтать.

И драгоценное украшение стоимостью, возможно, в несколько её прежних годовых зарплат. Всё это принадлежало миру Ричарда Эшфорда. Миру, куда она попала совершенно добровольно. Анна взяла украшение. Приложила к шее, не застёгивая. Чёрная кожа удивительно красиво оттеняла её лицо.

Она представила взгляд Ричарда. Его руки. То, с какой сосредоточенностью

он, вероятно, застегнул бы замок. Внутри возникло знакомое волнение. И Анна испытала почти отчаянное раздражение.

«Почему именно он?» Почему человек, которого она сегодня боялась и ненавидела, одновременно заставлял её сердце биться быстрее? Она сняла украшение.

— Нет, — произнесла вслух. Слово прозвучало неожиданно слабо в большой комнате. Она повторила: — Нет. Положила чокер в коробку. Затем подошла к двери. Повернула ключ. Один раз. Другой. Убедилась, что замок работает. И только тогда почувствовала себя немного спокойнее. Она могла уйти. Завтра. Через неделю. В любую минуту, когда решит, что больше не желает здесь оставаться. Никто не держал её силой.

И всё же ей вспомнились слова Маргарет. «Это зависит от того, что именно он решит считать своим». Анна посмотрела на коробку. Впервые ей пришло в голову, что самые опасные клетки не имеют замков снаружи. Их строят постепенно. Из благодарности. Из страха потерять то немногое, что удалось обрести. Из внимания, которого слишком долго не хватало.

И из желания однажды услышать от опасного человека простые слова: «Я вами доволен».

* * *

В библиотеке Ричард Эшфорд стоял перед старинным портретом женщины в жемчужном ожерелье. Его матери. Она смотрела с полотна холодными светлыми глазами. Ричард помнил, как в детстве мать поправляла ему воротник, убирала с лица волосы и требовала стоять совершенно неподвижно.

— Красота требует порядка, Ричард. Даже самая прекрасная вещь становится отвратительной, когда ей позволяют испортиться.

Тогда он не понимал, почему она говорила это с такой уверенностью. Теперь понимал. Он вспомнил лицо Анны. Её гнев. Её страх. Её отчаянное нежелание уступать. И странное чувство, которое охватывало его всякий раз, когда она произносила слово «нет». Это слово раздражало его. Оскорбляло.

И одновременно привлекало. Он не желал сломленной женщины. Ему хотелось гораздо большего. Чтобы сильная, гордая, независимая Анна Рид однажды сама захотела принадлежать ему. Чтобы подчинилась не потому, что не могла отказаться.

А потому, что больше не представляла себе жизни без его одобрения, его голоса, его присутствия. Ричард медленно провёл рукой по раме портрета. На его лице появилась едва заметная улыбка. Он не сомневался, что добьётся желаемого. В конце концов, он привык получать всё, чего хотел.

Но на этот раз существовало одно обстоятельство, которого Ричард Эшфорд ещё не понимал. Он называл будущую зависимость Анны любовью. И не замечал, как сам уже становился зависимым от женщины, которую мечтал подчинить. Конец главы IV.

Глава V. Власть голоса

I. Знак принадлежности

Анна Рид стояла перед высоким зеркалом в своей спальне и рассматривала женщину, которой постепенно становилась. На кровати лежала раскрытая коробка из тёмной кожи. Рядом — аккуратно сложенная одежда, выбранная для неё Ричардом Эшфордом.

В комнате было тепло. За окном висел серый английский туман, скрывавший дорожки сада и верхушки старых деревьев. Дом уже проснулся. Где-то внизу тихо переговаривалась прислуга, звякала посуда, открывались и закрывались двери.

Анна никуда не торопилась. Она давно привыкла к распорядку Эшфорд-Мэнор и научилась выполнять обязанности без постоянного надзора Маргарет. Хозяйство оказалось гораздо сложнее, чем представлялось сначала, но теперь ей нравилось ощущать себя необходимой частью этого огромного, безупречно организованного мира.

Прошло уже несколько недель с тех пор, как она впервые переступила порог особняка. Несколько недель, за которые многое изменилось. И больше всего — она сама.

Анна взяла комплект Carine Gilson. Чёрный шёлк, то подобные вещи бессмысленной роскошью. Теперь в её гардеробе находились десятки комплектов, каждый из которых стоил столько, сколько она когда-то тратила на жизнь за несколько недель. Она провела пальцами по ткани.

В первое время её раздражало, что Эшфорд позволил себе выбирать даже такие личные вещи. Она воспринимала это как бесцеремонное вторжение туда, куда ни один работодатель не имел права вмешиваться. Но постепенно раздражение уступило место другому чувству. Она не сразу поняла какому.

Анна надела бельё, поправила тонкие бретели и посмотрела в зеркало. Комплект сидел великолепно. Чёрная ткань подчёркивала стройную фигуру, а кружево делало её образ одновременно строгим и неожиданно чувственным. Она вспомнила Ричарда.

То, как он смотрел на неё. Как спокойно поправлял её осанку. Как говорил, что именно она должна надеть. Как не допускал даже мысли о том, что его распоряжение может остаться невыполненным. По телу пробежало знакомое волнение.

— Господи, Анна, — тихо произнесла она, — до чего же ты докатилась? Она попыталась рассмеяться, но смех вышел неубедительным. Ей нравилось это бельё. И дело было не только в его красоте. Её волновало сознание, что его выбрал мужчина, который привык распоряжаться всем вокруг. Ей нравилось представлять, как он изучал ткани, фасоны, размеры, требовал от поставщиков безупречного исполнения. Как заранее решил, какой она должна выглядеть.

Разум подсказывал, что подобное отношение унизительно. Что независимая женщина не должна испытывать удовольствие от чужого контроля. Но тело и чувства, как оказалось, совершенно не интересовались её убеждениями. Анна подошла к туалетному столику. Там лежала коробка с чокером.

Она не открывала её несколько дней, хотя постоянно знала, где та находится. Иногда, проходя мимо, останавливалась и задерживала взгляд на тёмной крышке. Однажды даже взяла коробку в руки, но снова поставила на место. Слишком хорошо помнила разговор с Эшфордом. Его спокойное, почти равнодушное:

«Пока не захотите сами». Эти слова почему-то не давали ей покоя. Он не требовал носить украшение. Не напоминал о подарке. Не спрашивал, передумала ли она. Именно это раздражало больше всего. Анна открыла коробку. Мягкая чёрная кожа. Маленький бриллиант. Золотые застёжки. Изящная буква R. Она взяла чокер и осторожно приложила к шее.

Затем застегнула. Замочек тихо щёлкнул. Анна подняла глаза к зеркалу. Отражение оказалось неожиданно красивым. Чёрный чокер плотно, но удобно охватывал шею. Бриллиант

мерцал у основания горла, а маленькая золотая буква выглядела слишком заметной для простого украшения. Она повернула голову.

Провела пальцами по коже. Представила, что Ричард стоит за её спиной. Что это его руки застегнули чокер. Что сейчас он посмотрит на неё привычным холодным взглядом и произнесёт:

«Очень хорошо, Анна. Именно так я и хотел». От одной воображаемой фразы сердце забилось быстрее. Она закрыла глаза. И вдруг поняла то, в чём так долго боялась признаться. Ей хотелось принадлежать этому мужчине. Не просто нравиться ему. Не только получать дорогие подарки или пользоваться его расположением. Ей хотелось ощущать его власть.

Знать, что он смотрит на неё как на женщину, к которой имеет особое, исключительное отношение. Что её внешний вид, поведение, даже произнесённые слова имеют для него значение. Это открытие испугало Анну. В её прошлом были мужчины. Некоторые были красивы, другие обаятельны, третьи умели ухаживать. Но ни один не вызывал подобного состояния.

Она никогда не мечтала о мужчине, которому захочется подчиняться. Напротив, всегда считала самостоятельность главным доказательством собственного достоинства. А теперь стояла перед зеркалом в белье, выбранном её работодателем, с его инициалом на шее — и чувствовала не унижение, а странное, постыдное счастье.

«Может быть, хватит сопротивляться самой себе?» — подумала она. В конце концов, никто не заставлял её надевать украшение. Она сама открыла коробку. Сама застегнула замок. И сама решила оставить его на шее. Анна надела чёрную юбку, белую блузку из тонкого шёлка и приталенный жакет. Собрала волосы в аккуратный высокий пучок, открыв шею. Теперь чокер был хорошо виден.

Она ещё раз посмотрела на отражение. — Ну что ж, мистер Эшфорд, — негромко произнесла она. — Посмотрим, понравится ли вам.

И впервые за долгое время улыбнулась собственным мыслям.

II. Мужчина, которого не хватало

Ричарда Эшфорда Анна видела редко. Иногда он отсутствовал по нескольку дней, уезжая в Лондон или на деловые встречи. Иногда находился в поместье, но почти не выходил из кабинета. Его расписание было заполнено переговорами, телефонными звонками, совещаниями с управляющими и бесконечными документами. В начале работы Анна испытывала облегчение, когда хозяин уезжал.

Без него дом становился спокойнее. Она могла свободно разговаривать с Маргарет, смеяться с молодыми служанками, заниматься хозяйством, не опасаясь неожиданно услышать за спиной его негромкий голос. Но постепенно что-то изменилось. Теперь утром она невольно прислушивалась к звукам со стороны главной лестницы. Если во дворе стоял его автомобиль, настроение становилось лучше.

Если Маргарет сообщала, что мистер Эшфорд уехал на несколько дней, Анна испытывала разочарование, которое старательно скрывала даже от самой себя. Однажды она поймала себя на совершенно нелепом поступке. Несколько раз прошла мимо кабинета, хотя никаких дел в той части дома у неё не было. Сначала хотела убедиться, что дверь закрыта.

Затем вспомнила, что необходимо проверить цветочные композиции в библиотеке. Потом решила выяснить, не требуется ли хозяину свежий кофе. И лишь вернувшись к себе, призналась, что все эти объяснения были ложью. Ей хотелось увидеть Ричарда. Хотелось услышать, как он произнесёт её имя. Особенно нравилось, когда он говорил коротко, требовательно, не оставляя места для обсуждения.

«Анна, подойдите». «Посмотрите на меня». «Сделайте так, как я сказал». В этих словах не было ничего нежного. И всё же они действовали на неё сильнее самых изысканных комплиментов. Ричард обладал удивительной способностью заставлять человека чувствовать себя

единственным существом, находящимся в поле его внимания. Когда он смотрел на Анну, всё вокруг словно теряло значение.

Она переставала замечать пространство кабинета, картины, мебель, даже собственные мысли. Оставался только он. Его спокойный голос. Серые глаза. Сдержанные движения. И странное желание услышать следующее распоряжение.

Особенно мучительным оказалось другое открытие. Анна начала скучать по его замечаниям. Раньше, получив выговор, она часами возмущалась несправедливостью работодателя. Мысленно спорила с ним, подбирала убедительные доводы, представляла, как однажды решительно поставит его на место. Теперь всё происходило иначе.

Если Ричард выражал недовольство, она по-прежнему испытывала обиду. Но вместе с ней появлялось тревожное волнение, от которого становилось трудно сосредоточиться. Ей нравилось, что он требует от неё большего, чем от остальных. Что замечает её ошибки. Что считает себя вправе поправлять её. И, самое странное, ей нравилось исправляться именно для него. Она ещё не называла это зависимостью.

Но уже начинала жить ожиданием следующей встречи.

* * *

В тот день Ричард вернулся раньше обычного. Анна узнала об этом от Маргарет, когда они проверяли подготовку гостевых комнат.

— Мистер Эшфорд будет обедать дома, — сообщила управляющая. — И просил подготовить документы по предстоящему благотворительному вечеру.

— Я могу отнести их сама. Маргарет подняла глаза. — Обычно этим занимаюсь я. — Знаю. Просто я составляла последние ведомости и смогу ответить на вопросы.

Это было правдой. Но далеко не всей. Пожилая женщина некоторое время смотрела на Анну. Затем её взгляд опустился к чокеру. Маргарет замерла.

— Вы всё-таки его надели. Анна машинально коснулась шеи. — Да. — Мистер Эшфорд просил? — Нет. — Тогда почему? Анна почувствовала раздражение. — Потому что мне понравилось украшение. Разве этого недостаточно? Маргарет ничего не ответила. Она продолжала смотреть на золотую букву, и в выражении её лица было что-то такое, отчего Анне стало неловко.

— Это всего лишь чокер, Маргарет. — Конечно, дорогая. Но произнесено это было так, словно обе прекрасно понимали, что речь идёт далеко не об украшении.

III. «Слушаюсь, сэр»

Ричард находился в кабинете. Когда Анна вошла с папкой документов, он сидел за письменным столом и разговаривал по телефону. Она остановилась у двери. Он поднял глаза, увидел её и едва заметным движением руки указал на место возле стола. Анна послушно подошла. Разговор продолжался ещё несколько минут.

Ричард обсуждал условия приобретения крупного земельного участка. Его собеседник, судя по всему, пытался изменить ранее согласованную цену.

— Нет, — спокойно произнёс Эшфорд. — Мы обсуждали другие условия. Он выслушал ответ. — Тогда сделки не будет. Ещё несколько секунд молчания. — Мне незачем торговаться с человеком, который не способен соблюдать договорённости.

Он завершил разговор. Положил телефон. И только тогда посмотрел на Анну. Взгляд скользнул по её лицу, волосам, строгому жакету. Остановился на шее. Анна почувствовала, как учащается пульс.

Ричард медленно откинулся в кресле. Несколько секунд молчал. — Подойдите ближе.

Она сделала шаг. — Ещё. Анна приблизилась к письменному столу. Он смотрел на чокер. — Значит, вы всё-таки приняли моё предложение. — Я решила носить украшение, мистер Эшфорд. — Вижу. Он поднялся. Обошёл стол и остановился перед ней. Анна почувствовала

знакомый аромат его парфюма — лёгкий запах дорогого дерева и чего-то прохладного, почти неуловимого.

— Посмотрите на меня. Она подняла глаза. Ричард внимательно изучал её лицо. — Вы помните наш разговор? — Разумеется. — И что же заставило вас изменить решение? Анна помедлила. — Я подумала, что слишком остро отреагировала на ваш подарок. — Неужели? — Да. Он слегка приподнял бровь. — И только поэтому? Анна почувствовала, что краснеет. Ей хотелось ответить что-нибудь независимое, даже дерзкое, как раньше. Но почему-то не хотелось разрушать этот момент спором.

— Мне нравится, как он выглядит, — сказала она. Ричард медленно кивнул. — Мне тоже. Он поднял руку и осторожно коснулся золотой застёжки сбоку её шеи, словно проверяя, правильно ли сидит украшение. Прикосновение длилось всего мгновение. Но Анна замерла.

— Очень хорошо, — произнёс он. — Вам идёт. Она опустила глаза. Два простых слова. Никакого восторга. Никаких комплиментов. Лишь спокойное признание того, что он доволен увиденным. А Анна почувствовала себя так, словно получила награду. Ричард вернулся за стол.

— Документы. Она положила перед ним папку. Он быстро просмотрел несколько страниц. — Почему изменена схема размещения гостей? — Мистер Харрингтон попросил перенести его место ближе к представителям фонда.

— Я спрашивал не о том, кто попросил. Кто разрешил изменение? Анна напряглась. — Решение согласовала Маргарет. — Маргарет распоряжается хозяйством. Списком моих гостей распоряжаюсь я. Он закрыл папку. — Верните первоначальную схему. Харрингтона посадите там, где было предусмотрено.

— Но он специально просил… Ричард поднял глаза. Анна замолчала. — Его пожелания не имеют значения, если противоречат моему решению. Он произнёс это без раздражения. Но в голосе чувствовалась та самая

непреклонность, от которой Анна прежде приходила в бешенство.

— Вы меня поняли? — Да, мистер Эшфорд. — Тогда выполните. Анна невольно выпрямилась. — Слушаюсь, сэр. Слова прозвучали неожиданно даже для неё самой. Ричард перестал перелистывать документы. Медленно поднял голову. Анна почувствовала, как жар поднимается к щекам. Она никогда прежде не обращалась к нему так. По крайней мере, не с тем особым смыслом, который сама сейчас вложила в это слово. Ричард некоторое время молчал.

Затем едва заметно улыбнулся. — Вот как? Анна растерялась. — Простите? — Ничего. Он вновь посмотрел на бумаги. — Можете идти. Она осталась стоять. Почему-то ей не хотелось уходить. — Мистер Эшфорд… — Да? — Возможно, следует также пересмотреть порядок подачи ужина? После изменения рассадки обслуживающему персоналу будет удобнее…

— Анна. Она умолкла. — Я дал вам конкретное распоряжение. — Да. — Его и выполните. Остальное обсудите с Маргарет. Анна опустила глаза. — Будет исполнено. Он посмотрел на неё поверх документов. И на этот раз не попытался скрыть удовлетворения.

— Прекрасно. Она вышла из кабинета. Закрыла дверь. Прошла несколько шагов по коридору и остановилась у высокого окна. Сердце билось слишком быстро. Анна прижала ладонь к груди. Что с ней происходило?

Она ведь всего лишь получила замечание по работе. Ничего особенного. Но в памяти снова и снова звучали собственные слова:

«Слушаюсь, сэр». «Будет исполнено». И почему-то ей отчаянно хотелось произнести их снова.

IV. Голод, у которого не было названия

Поначалу Анна объясняла себе всё довольно просто. Эшфорд был привлекательным мужчиной. Необыкновенно уверенным в себе, состоятельным, умным, привыкшим повелевать и получать желаемое. Такие мужчины редко оставляют женщин равнодушными. Разве удивительно, что он нравился ей?

Она взрослая женщина. Ей тридцать лет. У неё есть желания, чувства,

потребность во внимании. Она слишком долго жила одна, слишком много работала, слишком часто убеждала себя, что прекрасно обходится без мужчины. Теперь рядом оказался человек, способный пробудить в ней то, что она привыкла подавлять. Всё вполне естественно. Но это объяснение не выдерживало самого простого вопроса.

Почему её возбуждала не только его близость? Почему гораздо сильнее обычного комплимента действовало строгое замечание? Почему, услышав его приказ, она иногда чувствовала почти непреодолимое желание немедленно подчиниться? Анна попыталась вспомнить мужчин, с которыми встречалась прежде.

Они ухаживали за ней, стремились понравиться, спрашивали, чего она хочет, предлагали выбирать рестораны, фильмы, места отдыха. Некоторые были внимательными любовниками. Но ни один не заставлял её с таким волнением ждать одного короткого слова. Ричард совершенно не старался ей понравиться. Он мог быть холодным. Требовательным.

Самоуверенным до неприличия. Иногда несправедливым. Ему не требовалось её согласие, чтобы считать собственное решение правильным. И именно это почему-то действовало на Анну сильнее всего. Однажды вечером, лежа в постели, она призналась себе в том, что ещё недавно сочла бы отвратительным. Ей хотелось, чтобы Ричард был с ней строже.

Не грубее. Не жестокее. Именно строже. Чтобы требовал. Чтобы не позволял ей увиливать от ответов. Чтобы смотрел своим холодным взглядом и заставлял признать ошибку. А потом, когда она выполнит всё правильно, произносил:

«Я вами доволен». От одного представления об этом внутри разливалось сладкое, тревожное тепло. Анна перевернулась на бок. Закрыла глаза. Она всё чаще представляла не романтические свидания с Ричардом, не прогулки по саду и не ужины при свечах. Её воображение возвращалось в кабинет. Она стоит перед его письменным столом. Он смотрит на неё. Говорит, что делать. Она слушает, не перебивая.

И отвечает: «Слушаюсь». В этих фантазиях было нечто почти пугающее. Анне нравилась мысль, что она может хотя бы ненадолго перестать принимать решения. Не бороться. Не доказывать. Не отстаивать каждую мелочь. Просто довериться воле человека, которого считает сильнее себя.

Однако вместе с этим желанием жило другое — привычное, упрямое чувство собственного достоинства. А что, если однажды он потребует чего-то, чего ты действительно не захочешь? Анна не находила ответа. Она знала лишь одно: когда Ричарда не было рядом, ей становилось мучительно скучно. И эта скука совершенно не походила на обычное женское ожидание встречи с понравившимся мужчиной.

Она была похожа на голод.

V. Повод увидеть его

Анна начала искать встречи с Ричардом. Сначала совершенно невинно. Она приносила ему документы, которые прежде передавала через Маргарет. Уточняла распоряжения, хотя вполне могла выполнить их самостоятельно. Спрашивала о предпочтениях в сервировке, выборе цветов, организации приёмов. Каждый повод выглядел убедительно.

И каждый раз она тщательно готовилась к встрече. Проверяла одежду. Поправляла волосы. Касалась пальцами чокера. Постепенно ей стало казаться, что даже её настроение зависит от того, удалось ли сегодня увидеть Эшфорда. Особенно плохо было, когда он оставался равнодушным.

Однажды Анна принесла на утверждение образцы ткани для новых штор в западной гостиной. Ричард даже не поднял головы.

— Передайте Маргарет. — Но я хотела узнать ваше мнение. — Вы уже знаете мои требования. — Да, но оттенок… — Анна, я занят. Она вышла совершенно подавленная. Весь остаток дня её преследовало нелепое чувство, будто она провинилась. Она несколько раз мысленно

возвращалась к разговору. Может быть, вошла не вовремя? Может быть, слишком настойчиво пыталась привлечь его внимание? Может быть, он заметил?

И именно последний вопрос пугал сильнее остальных. Потому что в глубине души Анна уже прекрасно понимала: она ведёт себя как человек, который отчаянно нуждается в чужом одобрении. А самое унизительное заключалось в том, что одобрение любого другого человека её почти не интересовало.

* * *

Ричард замечал перемены. Он был слишком наблюдателен, чтобы не заметить, как изменились походка Анны, её манера держаться, взгляд, который она старалась отводить всякий раз, когда он неожиданно обращался к ней. Он заметил и новое обращение.

«Слушаюсь, сэр». Она произносила эти слова всё чаще. Сначала робко. Потом увереннее. Иногда почти шёпотом, словно сама наслаждалась их звучанием. Ричарду это нравилось. Он не собирался притворяться перед собой.

Ему доставляло удовольствие видеть, как гордая женщина, ещё недавно встречавшая любое его распоряжение с возмущением, теперь сама стремилась заслужить одобрение. Особенно привлекало то, что Анна не превратилась в безвольную служанку. Она продолжала спорить с другими сотрудниками, самостоятельно решать сложные хозяйственные вопросы, проявлять твёрдость, когда считала себя правой.

С Маргарет она могла быть упрямой. С поставщиками — требовательной. С подчинённым персоналом — решительной. Но стоило Ричарду произнести её имя определённым тоном, как в ней что-то менялось. И он видел эту перемену. Видел слишком хорошо.

Однажды, проходя через холл, Ричард остановился возле Анны, обсуждавшей с управляющей задержку доставки мебели.

— Анна. Она немедленно повернулась. — Да, мистер Эшфорд? — После обеда подготовьте полный отчёт по расходам на обслуживание гостевого крыла.

— Разумеется. — Мне нужны точные цифры. Не приблизительные оценки. — Будет исполнено, сэр. Он задержал взгляд на её лице. — К четырём часам. — Слушаюсь. Ричард едва заметно кивнул. И ушёл. Анна ещё несколько секунд смотрела ему вслед. Маргарет закрыла папку.

— Мисс Рид. — Да? — Вы слышали, что я сказала? Анна растерянно повернулась. — Простите? Пожилая женщина вздохнула. — Вот именно.

VI. Выговор, которого она ждала

Однажды Анна совершила поступок, которого сама от себя не ожидала. Она подготовила еженедельный хозяйственный отчёт и обнаружила в нём небольшое несоответствие между предварительной сметой и итоговыми расходами на обслуживание гостевых помещений. Ошибка была незначительной. Несколько счетов от поставщика поступили позже остальных.

Раньше она самостоятельно проверила бы документы, связалась с бухгалтерией и исправила ведомость. Теперь же поймала себя на желании отнести бумаги Ричарду. Анна даже не попыталась убедить себя, что дело исключительно в отчёте. Ей хотелось увидеть его. Хотелось, чтобы он обратил на неё внимание. Даже если это внимание окажется недовольным.

Она постучала в кабинет. — Войдите. Ричард сидел за столом. — Анна? — Простите за беспокойство. Мне требуется ваше решение. Он протянул руку. — Покажите. Она положила перед ним документы. Ричард быстро просмотрел ведомость. Нахмурился.

— В чём именно вопрос? Анна объяснила. Он выслушал её и некоторое время смотрел на бумаги. Затем поднял голову.

— И ради этого вы пришли ко мне? Вопрос прозвучал холодно. — Я подумала, что вам необходимо знать… — Анна.

Она замолчала. — Вы работаете в моём доме уже достаточно долго, чтобы самостоятельно решать подобные вопросы.

— Да, сэр. — Вы умеете проверять счета? — Разумеется. — Умеете взаимодействовать с поставщиками? — Да. — Тогда объясните, почему вместо выполнения своих обязанностей вы отнимаете моё время.

Она покраснела. Раньше подобные слова вызвали бы в ней возмущение. Теперь к стыду примешивалось нечто совершенно иное. Ей нравилось стоять перед ним. Нравилось, что всё его внимание направлено на неё. Что он смотрит строго.

Что требует объяснений. Ей было неприятно слышать замечание, но одновременно хотелось, чтобы разговор продолжался.

— Простите, мистер Эшфорд. Я неправильно оценила ситуацию. — Да, неправильно. Он закрыл папку. — Верните документы в бухгалтерию. Уточните суммы и представьте окончательную ведомость Маргарет.

Анна опустила глаза. — Слушаюсь, сэр. Ричард не отпустил её. — Посмотрите на меня. Она подняла голову. Его взгляд был холодным, внимательным. — Вы действительно не знали, как поступить с этими счетами? Анна почувствовала, как земля уходит из-под ног. — Я… — Отвечайте на вопрос. Она сглотнула. — Знала. — Тогда зачем пришли? Тишина. Анна услышала тиканье часов. Ей захотелось солгать. Сослаться на ответственность, на желание избежать ошибки, на необходимость согласования. Но под взглядом Ричарда привычные оправдания казались бессмысленными.

— Я хотела убедиться, что вы довольны моей работой, — наконец произнесла она.

Он некоторое время молчал. — Для этого существуют отчёты и результаты работы. — Да, сэр. — И вы прекрасно это знаете. Анна кивнула. Ричард откинулся в кресле. — Вы стали слишком часто приходить ко мне с вопросами, на которые уже знаете ответы.

Она почувствовала, как горят щёки. Значит, он заметил. Всё заметил. Её придуманные предлоги. Её желание задержаться. То, как она ждёт его распоряжений.

Анне захотелось провалиться сквозь пол.

— Простите. — Я не просил извинений. Он произнёс это негромко, но так, что она немедленно замолчала. — Мне нужен от вас ответ, Анна. Она смотрела на него, не понимая, что должна сказать. — Вы ищете моего внимания? Вопрос прозвучал совершенно спокойно. И от этого сделался почти невыносимым. Анна попыталась ответить, но голос отказался повиноваться. Ричард не торопил. Он умел ждать. И Анна ненавидела это его умение.

Потому что молчание заставляло её всё яснее понимать правду. — Да, — наконец прошептала она. Ричард медленно кивнул. — Так я и думал. Она опустила голову. — Могу я идти? — Нет. Сердце болезненно ударилось о рёбра. Ричард поднялся из кресла. Обошёл письменный стол. Остановился перед ней.

— Вы считаете, что моё время принадлежит вам? — Нет, сэр. — Тогда почему распоряжаетесь им без разрешения? — Я не хотела… — Не объясняйте, чего вы не хотели. Отвечайте на то, о чём я спрашиваю. Анна с трудом вдохнула. — Простите. Это больше не повторится. Он внимательно посмотрел на её лицо. — Я хочу, чтобы вы усвоили одну вещь. Если я поручаю вам работу, вы должны выполнять её. Не искать повод снова оказаться передо мной. Не требовать подтверждения каждому своему действию. И уж тем более не создавать себе искусственных затруднений.

Она кивнула. — Вы меня поняли? — Да. — Тогда скажите. Анна почувствовала знакомую дрожь. — Я поняла, мистер Эшфорд. Он продолжал смотреть. Она опустила глаза. И тихо добавила: — Слушаюсь, сэр. Ричард улыбнулся. На этот раз открыто. Не добродушно. С удовлетворением человека, получившего именно тот ответ, которого добивался.

— Вот теперь хорошо. Он сделал шаг назад. — Можете идти. Анна взяла папку. Направилась к двери. Но прежде чем она успела выйти, Ричард произнёс:

— И, Анна… Она немедленно остановилась. — Да, сэр? — В следующий раз, когда захотите моего внимания, не прячьте это желание

за хозяйственными документами.

Анна замерла. Он продолжил: — Я не люблю, когда со мной играют в подобные игры. Она не осмелилась обернуться. — Слушаюсь, мистер Эшфорд. — Хорошо. Теперь идите.

* * *

Вернувшись к себе, Анна закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Лицо пылало. Она была унижена. Разоблачена. Он понял всё. Увидел то, что она сама с трудом решалась признать.

И самое страшное заключалось в том, что его слова не отбили у неё желания снова оказаться рядом. Напротив. Она чувствовала возбуждение, от которого становилось почти стыдно перед самой собой. Ричард видел её насквозь. Знал, что ей хочется его внимания. Знал, как она реагирует на его распоряжения.

И теперь уже не собирался делать вид, будто ничего не замечает. Анна подошла к зеркалу. Посмотрела на золотую букву R. Медленно коснулась её пальцами. Ещё совсем недавно она называла это украшение клеймом. Теперь мысль о его значении вызывала в ней совершенно иные чувства.

— Что же вы со мной делаете, Ричард? — прошептала она. И неожиданно поняла, что вопрос был неправильным. Гораздо страшнее следовало спросить другое. Что она сама теперь готова позволить ему сделать?

VII. Правило, которое он установил

Вечером Ричард сидел в библиотеке. На столике стоял нетронутый бокал коньяка. В камине потрескивали поленья. За окнами темнел сад. Он думал об Анне. О том, как она стояла перед ним. Как краснела. Как пыталась найти оправдание своему желанию оказаться рядом.

Её признание доставило ему удовольствие, которого он давно не испытывал. Не потому, что женщина искала его внимания. Подобное случалось часто. Ричард был богат, влиятелен, хорошо воспитан и достаточно привлекателен, чтобы не испытывать недостатка в женском интересе. Но Анна была другой. Она сопротивлялась.

Оспаривала его право вмешиваться в её жизнь. Видела опасность там, где другие женщины предпочитали замечать лишь роскошь и могущество. И теперь эта самая женщина начинала искать его власть добровольно. Ричард прекрасно понимал значение происходящего. Ему нравилось, когда она подчинялась. Нравилось, как изменялось выражение её лица после строгого приказа.

Нравилось слышать негромкое: «Слушаюсь, сэр». Но он хотел большего. Он хотел, чтобы Анна больше не искала объяснений собственному желанию. Чтобы перестала стыдиться его. Чтобы однажды сама пришла к нему и совершенно спокойно признала:

«Я хочу, чтобы вы мной распоряжались». От этой мысли Ричард почувствовал почти физическое удовлетворение. И всё же в его уверенности существовала опасная трещина. Он уже начинал ждать её появления не меньше, чем она

— его. Сегодня, когда Анна вышла из кабинета, он ещё долго смотрел на закрытую дверь. И неожиданно поймал себя на желании позвать её обратно. Не ради документов.

Не ради работы. Просто чтобы она снова оказалась рядом. Ричард нахмурился. Подобная слабость ему не нравилась. Он привык управлять собственными желаниями. Но Анна постепенно становилась исключением из правил, которые он сам для себя установил.

Он взял телефон. Набрал внутренний номер Маргарет. — Миссис Хейл, завтра мне потребуется мисс Рид. — В какое время, сэр? Ричард немного помолчал. — В семь вечера. В моём кабинете. — Какие документы ей подготовить? — Никаких. На другом конце линии воцарилась короткая пауза. — Простите, сэр? — Я сказал, никаких документов. Передайте мисс Рид, что желаю её видеть. — Разумеется. Ричард завершил разговор. Несколько секунд

смотрел на телефон. Затем улыбнулся. Он прекрасно представлял, что произойдёт, когда Анна получит это распоряжение. Она будет волноваться. Гадать о причинах.

Вспоминать сегодняшний разговор. Возможно, даже испугается. Но придёт. Он не сомневался.

* * *

Анна узнала о распоряжении перед ужином. Маргарет остановила её возле лестницы.

— Мисс Рид, мистер Эшфорд просил передать, чтобы завтра к семи вечера вы явились в его кабинет.

Анна замерла. — Зачем? — Не знаю. — Он просил принести какие-нибудь документы? — Нет. — Совсем ничего? Маргарет покачала головой. — Сказал, что желает вас видеть. Анна почувствовала, как сердце начинает биться быстрее. — Меня? — Именно вас, дорогая. Несколько секунд она молчала. Затем невольно коснулась чокера. На лице появилась улыбка, которую ей не удалось скрыть.

— Хорошо, Маргарет. Она выпрямилась. И произнесла почти торжественно: — Передайте мистеру Эшфорду, что его распоряжение будет исполнено. Маргарет посмотрела на неё долгим, печальным взглядом. — Анна… — Да? Пожилая женщина словно хотела сказать что-то важное. Но передумала.

— Ничего, дорогая. Спокойной ночи. Анна направилась к лестнице. Она уже не думала об отчётах, поставщиках или предстоящем приёме. В её голове звучала одна-единственная мысль. Завтра он хочет видеть меня. Не хозяйственные ведомости. Не результаты работы.

Её. И этого оказалось достаточно, чтобы весь мир неожиданно сделался прекраснее. Поднимаясь по лестнице, Анна улыбалась. Она ещё не знала, что завтрашняя встреча станет началом совершенно новых отношений. Отношений, в которых самым трудным окажется не научиться подчиняться чужой воле. А однажды понять, где заканчивается её собственная. Конец главы V.

Глава VI. Предложение

I. Семь часов вечера

Весь следующий день Анна Рид прожила в ожидании. Это было странное, мучительное состояние, напоминавшее волнение перед первым свиданием, хотя она прекрасно понимала, что никакого свидания ей не назначали.

Мистер Эшфорд приказал явиться в кабинет к семи часам вечера. Не пригласил. Не попросил. Именно приказал. Анна сама удивлялась тому, насколько большое значение придавала этой разнице.

Утром она проснулась раньше обычного. Некоторое время лежала с открытыми глазами, разглядывая светлый потолок спальни, и думала о предстоящем разговоре.

Чего он хочет? Почему назначил встречу на вечер? Почему велел прийти без документов? Возможно, собирается сделать замечание по поводу её поведения. Может быть, вчерашний разговор показался ему недопустимым нарушением отношений между работодателем и сотрудницей.

Но тогда почему он не высказал своего недовольства сразу? Анна перевернулась на бок. «Перестань придумывать глупости. Он твой работодатель. Возможно, ему просто требуется обсудить какое-нибудь поручение».

Она почти убедила себя в этом. Почти. Но стоило вспомнить взгляд Ричарда, когда тот спросил, ищет ли она его внимания, как внутри возникало знакомое волнение.

Ей нравилось, что он заметил. Нравилось, что понял. И особенно нравилось, что после этого сам пожелал увидеть её. В ванной Анна долго стояла перед зеркалом. Она вновь выбрала чёрный комплект Bordelle из гардероба, предоставленного хозяином. Тонкие ремешки и кружево, которые когда-то показались ей слишком дорогими и изысканными для обычной экономки.

Теперь она надевала подобные вещи почти ежедневно. Анна понимала, что Ричард не увидит их. Однако сознание, что она носит выбранное им бельё, вызывало особенное чувство.

Будто между ними существовала маленькая тайна. Она поправила бретели, провела ладонями по талии и посмотрела на собственное отражение.

В прежней жизни Анна любила красивую одежду. Но тогда красота принадлежала ей самой.

Теперь же всё чаще возникало желание нравиться определённому человеку.

Единственному. И этому человеку, насколько она успела понять, недостаточно было обычного женского кокетства.

Ричард ценил совершенство. Осанку. Аккуратность. Точность движений. Послушание. Последнее слово заставило Анну невольно улыбнуться. — Ну конечно, — сказала она своему отражению. — Особенно послушание. Она открыла небольшую кожаную коробку. Чокер лежал внутри, словно ожидая её решения. Анна взяла украшение, застегнула на шее и провела пальцами по золотой букве R.

Ей нравилось это ощущение. Нравилось гораздо сильнее, чем она готова была признаться.

* * *

Работа в тот день совершенно не клеилась. Анна дважды проверила ведомости по закупкам, хотя давно убедилась в правильности всех цифр. Переставила цветы в малой гостиной, затем вернула их на прежнее место. Забыла передать распоряжение прачечной и вспомнила об этом лишь после замечания Маргарет.

— С вами сегодня что-то происходит, дорогая. Анна подняла голову. — Простите? — Я говорю, вы сегодня какая-то рассеянная. — Просто плохо спала. Маргарет посмотрела на

неё поверх очков. — Надеюсь, дело не в предстоящем разговоре с мистером Эшфордом? Анна почувствовала, что краснеет. — Разумеется, нет. — Очень хорошо. Пожилая женщина некоторое время молчала. — Тогда позволю себе один совет. — Какой? — Не принимайте важных решений только потому, что вам хочется понравиться другому человеку.

Анна нахмурилась. — Вы говорите загадками, Маргарет. — Возможно. Управляющая закрыла папку. — Но иногда человеку необходимо самому понять смысл предупреждения. И вышла. Анна ещё несколько секунд смотрела ей вслед. Раздражение сменилось тревогой. Маргарет явно знала о хозяине нечто такое, чего Анна пока не понимала. Но сейчас ей совершенно не хотелось размышлять об опасностях. Ей хотелось, чтобы поскорее наступило семь часов.

II. Женщина перед зеркалом

К вечеру Анна стала настолько нервной, что решила переодеться заранее. Она закрыла дверь спальни и подошла к гардеробу. Ей хотелось выглядеть безупречно. Не вызывающе. Не нарядно, словно она собиралась на романтическое свидание. Но достаточно красиво, чтобы Ричард заметил старание. Анна выбрала строгую чёрную юбку, облегающую талию, белую шёлковую блузку и туфли на умеренно высоком каблуке.

Травмированная нога иногда напоминала о себе болью, поэтому туфли она выбирала осторожно. Но сегодня ей хотелось выглядеть особенно стройной.

Волосы собрала наверх. Чокер остался открытым. Она посмотрела в зеркало. Женщина в отражении была красивой. Не просто ухоженной экономкой в дорогой одежде. Красивой взрослой женщиной, которая собиралась встретиться с мужчиной, вызывавшим у неё всё более откровенное влечение.

Анна медленно выдохнула. Сексуальное желание давно перестало быть для неё чем-то неожиданным. Она была темпераментной женщиной, просто обстоятельства жизни приучили её держать свои потребности под контролем.

Но с Ричардом происходило нечто совершенно новое. Раньше желание рождалось от нежности, прикосновений, поцелуев. Теперь оно могло возникнуть от одного строгого взгляда. От приказа. От короткого замечания, произнесённого его низким, спокойным голосом. Анна вспоминала, как он смотрел на неё во время вчерашнего разговора. «Вы ищете моего внимания?» Она закрыла глаза. И услышала собственный ответ: «Да». Признание всё ещё заставляло её краснеть. Она никогда прежде не позволяла мужчине настолько ясно увидеть свою заинтересованность.

Но Ричард не воспользовался этим, чтобы начать ухаживать. Не сделал комплимента. Не попытался поцеловать. Он просто назначил следующую встречу. И этим окончательно лишил Анну спокойствия. Часы показывали без пяти семь. Она поправила блузку, коснулась чокера и вышла.

* * *

Дорога от спальни до кабинета показалась необыкновенно длинной. Анна шла по знакомым коридорам, но теперь замечала каждую мелочь. Тихий звук собственных каблуков. Запах полированного дерева. Отражение люстры на мраморном полу.

Тиканье больших часов в холле. Она остановилась перед дверью кабинета ровно в семь. Несколько секунд собиралась с духом. Затем постучала. — Войдите. Голос Ричарда. Одно слово. И сердце немедленно забилось быстрее. Анна открыла дверь.

III. Разговор без свидетелей

Ричард Эшфорд стоял возле камина. На нём были тёмные брюки и белая рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей. Пиджак лежал на спинке кресла.

В руке он держал бокал коньяка. Увидев Анну, медленно повернулся. Его взгляд скользнул по её фигуре, задержался на лице, затем опустился к чокеру.

— Добрый вечер, Анна. — Добрый вечер, мистер Эшфорд. — Вы пунктуальны. — Вы назначили встречу на семь часов. Он едва заметно улыбнулся. — Именно. Ричард поставил

бокал на каминную полку. — Подойдите. Анна приблизилась. — Остановитесь здесь. Она послушно замерла. Ричард несколько секунд смотрел на неё. Его молчание действовало сильнее любых слов. Анна чувствовала, как постепенно краснеет. Ей хотелось спросить, зачем он её вызвал, но что-то удерживало от вопроса. — Вы волнуетесь, — наконец произнёс Ричард. — Немного. — Почему? Она растерялась. — Я не знаю, о чём вы хотите поговорить. — И это вас тревожит? — Да. Он сделал несколько шагов, остановившись перед ней. — Вы могли бы спросить. Анна подняла глаза. — О чём будет разговор, сэр? Ричард улыбнулся. — Вот так гораздо лучше. От его одобрения по телу Анны пробежала дрожь. Она ненавидела, когда он замечал её волнение. И одновременно страстно желала, чтобы замечал.

— Сегодня мы не будем обсуждать хозяйство, — сказал Ричард. — Ни счета, ни гостей, ни работу прислуги.

Анна молчала. — Я хочу поговорить о вас. — Обо мне? — Именно. Он указал на кресло. — Присаживайтесь. Анна села, аккуратно поправив юбку. Ричард занял кресло напротив. Несколько мгновений они смотрели друг на друга. — Анна, вы считаете себя независимой женщиной? Вопрос удивил её. — Разумеется. — Вы привыкли самостоятельно принимать решения? — Да. — Не любите, когда вам указывают, что делать? Она невольно улыбнулась. — Думаю, вы уже успели это заметить. — Несомненно. Ричард слегка наклонил голову. — Тогда объясните мне одну вещь. Анна насторожилась. — Какую? — Почему в последнее время вы всё чаще ищете возможности выполнять мои личные распоряжения?

Она замерла. Некоторое время не могла подобрать слова. — Я выполняю свои обязанности. — Я говорю не об обязанностях. Он выдержал паузу. — Вы прекрасно понимаете, о чём именно. Анна почувствовала, как жар поднимается по шее. Хотелось отвернуться. Но взгляд Ричарда удерживал её. — Возможно, мне просто нравится ваша требовательность, — тихо сказала она.

— Моя требовательность? — Да. — Даже когда я делаю вам замечания? Она опустила глаза. — Иногда. — Иногда? Анна с трудом вдохнула. — Да, сэр. Ричард откинулся в кресле. — Любопытно. Он произнёс это почти задумчиво. — Значит, вы получаете удовольствие от моего недовольства? — Нет! — слишком быстро ответила Анна. Он приподнял бровь.

Она смутилась. — Не совсем так. — Тогда объясните. Анна молчала. Это оказалось гораздо труднее, чем она представляла. Она могла бы рассказать о том, что ей нравится его уверенность. Что рядом с ним она чувствует себя женщиной, а не просто сотрудницей. Что его внимание заставляет её забывать обо всём.

Но как признаться в том, что приказ иногда возбуждает её сильнее прикосновения?

Как объяснить собственное желание подчиняться человеку, которого ещё недавно считала невыносимым тираном?

— Я не знаю, как это выразить, — наконец прошептала она. Ричард долго смотрел на неё. Затем произнёс: — Попробуйте. — Мне нравится, когда вы обращаете на меня внимание. — Это я уже понял. — И когда вы довольны мной. — Продолжайте. Анна почувствовала, как пульс учащается. — Иногда мне нравится выполнять ваши распоряжения. Ричард молчал. Она заставила себя поднять глаза. — Даже когда вы говорите очень строго. В его лице что-то изменилось. Совсем немного. Но Анна заметила. Он был доволен. — Почему? Она беспомощно улыбнулась. — Я сама пытаюсь это понять. Ричард медленно кивнул. — А мне кажется, вы уже поняли. Просто пока боитесь произнести вслух.

IV. Признание

Ричард встал. Подошёл к письменному столу и положил на него небольшой кожаный футляр, который до этого держал в руке.

Анна следила за его движениями. Всё в этом мужчине производило на неё почти гипнотическое впечатление. Спокойствие. Точность. Отсутствие суеты. Он никогда не делал лиш-

них движений и, казалось, никогда не сомневался, что имеет право поступать именно так, как считает нужным.

Анна вдруг вспомнила, как ненавидела эту уверенность в начале работы. Как мечтала однажды заставить его признать собственную неправоту.

Теперь же от той самой уверенности у неё перехватывало дыхание. — Встаньте, Анна. Она поднялась. Не задумываясь. Лишь потом осознала, насколько естественным стало для неё подобное повиновение.

Ричард заметил это. — Подойдите ко мне. Она приблизилась. Он некоторое время рассматривал её лицо. — Вы по-прежнему носите мой подарок. — Да, сэр. — Я не требовал этого. — Знаю. — Тогда почему? Анна коснулась чокера. — Он мне нравится. — Только поэтому? Она покачала головой. Ричард ничего не сказал. Ждал. И Анна впервые решила не прятаться за привычными оправданиями.

— Мне нравится, что он ваш. Произнеся эти слова, она почувствовала сильное смущение. Но одновременно — облегчение. Ричард смотрел на неё необыкновенно внимательно. — Что именно вам нравится, Анна? Она сглотнула. — То, что вы его выбрали. — И? Анна подняла глаза. — То, что на нём ваша буква. Ричард медленно выдохнул. Внутри него поднялось сильное удовлетворение. Он уже давно представлял этот момент. Но воображение не могло передать выражения лица Анны, когда она добровольно признавалась в том, что ещё недавно отвергала с негодованием.

Он хотел коснуться её щеки. Хотел провести пальцами по шее, ощутить мягкую кожу чокера. Хотел приблизиться настолько, чтобы она почувствовала его дыхание. Однако Ричард не позволил себе этого. Слишком рано. Слишком просто. Ему хотелось услышать от неё больше. — Вы понимаете, какое значение может иметь подобный знак? Анна кивнула. — Думаю, да. — Не думаю, Анна. Вы либо понимаете, либо нет. Она опустила глаза. Некоторое время молчала. Затем произнесла:

— Иногда мне нравится представлять, что я принадлежу вам. Тишина. Анна услышала, как за окнами ветер коснулся старых деревьев. Она была уверена, что сейчас Ричард улыбнётся. Или начнёт торжествовать. Или скажет нечто такое, после чего ей захочется немедленно сбежать из кабинета.

Но он молчал. Именно это молчание оказалось самым мучительным. — Посмотрите на меня, Анна. Она подчинилась. В серых глазах Ричарда появилось выражение, которого раньше она не замечала.

Не просто удовлетворение. Желание. Сдерживаемое, почти скрытое за привычной холодностью, но совершенно отчётливое.

Анна почувствовала, как к лицу приливает кровь. Он хотел её. Она вдруг поняла это с такой ясностью, что на мгновение забыла, как дышать. Ричард заговорил негромко: — Благодарю вас за откровенность. Она растерянно моргнула. — Вы не сердитесь? — За что? — За то, что я сказала. Он слегка улыбнулся. — Напротив. И после небольшой паузы добавил: — Мне чрезвычайно приятно это слышать. Анна испытала внезапный прилив радости. Такой сильный, почти детский, что немедленно рассердилась на себя. Неужели она действительно настолько зависела от его одобрения? Ричард словно прочитал её мысли. — Но я хочу, чтобы вы кое-что поняли. — Слушаю, сэр. — Желание принадлежать человеку и действительная готовность принять его власть — совершенно разные вещи.

Анна смотрела на него. — Я знаю. — Нет, Анна. Пока вы только думаете, что знаете. Он приблизился на шаг. — И именно поэтому я хочу сделать вам предложение.

V. Игра

Анна почувствовала, как сердце пропустило удар. — Какое предложение? Ричард некоторое время молчал.

Он прекрасно понимал, насколько важным может оказаться этот разговор. Ему нравилась Анна. Нравилась гораздо сильнее, чем он собирался когда-либо допустить. Её красота, самостоятельность, гордость и неожиданно открывшееся желание подчиняться вызывали в нём чувства, которые постепенно становились опасными для его привычного самообладания.

Но Ричард не был человеком, действовавшим по первому порыву. Он привык продумывать решения. И теперь хотел предложить Анне не случайную прихоть, а нечто более сложное.

— Я хочу предложить вам игру, — произнёс он. Анна удивлённо посмотрела на него. — Игру? — Да. — Какую? Ричард едва заметно улыбнулся. — Особенную. Она почувствовала знакомое волнение. — Я не совсем понимаю. — Полагаю, вы уже начали понимать значительно больше, чем хотите показать.

Анна покраснела. Он продолжил: — В этой игре будут определённые установки. Правила. Возможно, некоторые требования покажутся вам непривычными.

— Какие именно? — Я ещё не принял окончательного решения. Она удивилась. Ричард Эшфорд, который всегда производил впечатление человека, способного заранее предусмотреть любую мелочь, впервые открыто признал, что чего-то ещё не решил.

— Значит, вы пока сами не знаете правил? Он слегка приподнял бровь. — Я знаю, чего хочу добиться. Но ещё не решил, каким образом. Анна задумалась. — И чего же вы хотите добиться? Ричард посмотрел ей прямо в глаза. — Узнать вас. — Вы и так знаете обо мне довольно много. — Я знаю о вашей работе. О прошлом. О привычках. О вашей гордости. Он выдержал паузу. — Но меня интересует та часть Анны Рид, которую она сама совсем недавно обнаружила в себе.

Анна замерла. Ричард продолжал спокойно: — Женщина, которой нравится выполнять мои распоряжения. Которую волнует мой строгий голос. Которая носит украшение с моим инициалом и признаётся, что иногда хочет принадлежать мне.

Он произносил каждую фразу без тени насмешки. От этого Анне становилось ещё жарче.

— Я хочу понять, насколько далеко простираются эти желания, — закончил он. Она отвела взгляд. — Вы говорите об этом так спокойно. — А должен иначе? — Мне неловко. — Почему? Анна беспомощно улыбнулась. — Потому что вы мужчина, Ричард. Он впервые за вечер негромко рассмеялся. — Уверяю вас, Анна, я прекрасно осведомлён об этом обстоятельстве.

Она тоже улыбнулась. Напряжение немного ослабло. Но лишь на мгновение. Ричард вновь сделался серьёзным. — Я хочу, чтобы вы внимательно меня выслушали. Анна немедленно выпрямилась. — Слушаюсь, сэр. Он посмотрел на неё с нескрываемым удовольствием. — Вот именно об этом я и говорю. Она смутилась. — Простите… — Не извиняйтесь. Мне нравится, когда вы так отвечаете. Анна почувствовала, как от этих слов по телу разливается тепло. Ричард заметил её реакцию. И неожиданно ощутил сильное желание притянуть женщину к себе. Всего одно движение. Он мог бы коснуться её талии, приблизить лицо к её губам, почувствовать, как меняется дыхание.

Но не сделал этого. Ему было необходимо сохранить ясность происходящего. — Итак, — продолжил он. — Когда правила будут готовы, я познакомлю вас с ними. Полностью. Вы сможете задавать вопросы, обсуждать неприемлемое и отказаться.

Анна подняла глаза. — Отказаться? — Разумеется. — А если я откажусь? Ричард помолчал. — Тогда никакой игры не будет. — И вы не рассердитесь? — Ваш отказ может мне не понравиться, Анна. Но это не означает, что вы лишитесь права его произнести.

Она смотрела на него с удивлением. — А моя работа? — Не изменится. Я не покупаю вашего согласия заработной платой. Эта фраза произвела на неё неожиданно сильное впечатление. Анна вдруг почувствовала облегчение. Ричард продолжил: — И если вы согласитесь, а потом поймёте, что ошиблись, сможете

остановиться. Мне не нужно ваше вынужденное подчинение.

Он приблизился. — Меня интересует то, чего вы желаете сами. Анна не могла отвести взгляд. Она ожидала услышать властное требование. Возможно, ультиматум. Но вместо этого Ричард предложил выбор. И именно свобода отказаться делала желание согласиться ещё более волнующим.

— Почему вы предлагаете это мне? — тихо спросила она. Ричард некоторое время смотрел на неё. Затем ответил: — Потому что вы меня интересуете. — Как женщина? — Да. Простое признание. Без улыбки. Без попытки смягчить смысл. Анна почувствовала, как сердце начинает биться быстрее. — И давно? Он медленно провёл рукой по подбородку. — Достаточно давно, чтобы понять: обычное увлечение не объясняет моего интереса.

Она почти перестала дышать. Ричард сделал небольшую паузу. — Вы красивы, Анна. Но красивых женщин я встречал множество. Он посмотрел на чокер. — Мне нравится ваша гордость. Нравится, что вы способны спорить. Что умеете принимать решения. И особенно нравится то, как постепенно меняется ваш взгляд, когда вы сами решаете мне уступить. Анна ощущала странное сочетание радости, смущения и сильного сексуального влечения.

Он говорил о ней. Не о работе. Не о служебных обязанностях. О женщине, которую хотел. И впервые не скрывал этого. — А если я соглашусь на вашу игру? — спросила она. Ричард улыбнулся. — Тогда мы узнаем друг друга значительно лучше. — Вы говорите загадками. — Возможно. — Вам нравится заставлять меня волноваться? Он посмотрел на неё внимательно. — Да. Анна замерла. Ричард не отвёл глаз. — Нравится, — повторил он. — Но ещё больше мне нравится, когда вы перестаёте скрывать собственные чувства.

Она почувствовала, как краснеет. — А вы свои скрываете. На этот раз он действительно удивился.

— Вот как? — Да, сэр. Ричард слегка склонил голову. — Осторожнее, Анна. Вы начинаете задавать весьма личные вопросы. Она опустила глаза. — Простите. Он помолчал. Затем неожиданно произнёс: — Но вы правы. Анна подняла голову. — Правда? — Да. Я привык контролировать то, что показываю окружающим. — Даже когда вам кто-то нравится? — Особенно тогда. В его голосе прозвучало что-то новое. Не слабость. Скорее признание существования чувства, которое он не желал полностью подчинять разуму.

Анна вдруг поняла: этот мужчина тоже волнуется. Не так, как она. Не краснеет, не теребит пальцами одежду, не опускает глаза. Но в его спокойствии появилась едва уловимая напряжённость. И это открытие неожиданно сделало Ричарда ещё привлекательнее.

VI. Власть над собой

Ричард отошёл к окну. Несколько секунд смотрел в тёмный сад. Ему требовалось собраться с мыслями. Разговор развивался почти так, как он предполагал. Анна призналась в своём желании. Не попыталась солгать. Не убежала. Не возмутилась. И всё же её слова оказали на него гораздо более сильное воздействие, чем он ожидал.

Особенно признание о чокере. «Иногда мне нравится представлять, что я принадлежу вам». Ричард медленно сжал руку. Ему нравилась эта мысль. Необыкновенно. Он хотел быть тем мужчиной, которому Анна доверяет свои тайные желания. Хотел, чтобы она стремилась к его одобрению. Чтобы искала его взгляда. Чтобы при звуке его голоса в ней пробуждалось то особенное волнение, которое он научился замечать.

Но существовало нечто, в чём Ричард пока не решался признаться даже самому себе.

Он тоже ждал её.

В последние недели всё чаще прислушивался к шагам за дверью кабинета. Раздражался, когда Анна не появлялась достаточно долго. Замечал, кому она улыбается. Кто задерживает её разговором. Кто заставляет смеяться. Ему неприятно было думать о том, что эта женщина может испытывать подобные чувства к другому мужчине.

Он называл это собственническим инстинктом. Привычкой владеть тем, что нравится. Но в глубине души уже понимал: объяснение слишком простое. С Анной происходило нечто

большее. Ричард повернулся. Она стояла возле кресла, сложив руки перед собой. Красивая. Взволнованная. Совершенно не похожая на безупречно неподвижную фарфоровую статуэтку, которую он когда-то считал воплощением совершенства.

В ней была жизнь. Желание. Страх. Сомнение. Именно это теперь притягивало его сильнее всего. — Подойдите, Анна. Она немедленно подчинилась. Ричард протянул руку, но остановил движение, прежде чем коснуться её. — Можно? Анна удивилась. Затем поняла, что он смотрит на чокер. — Да, сэр. Он осторожно поправил украшение на её шее. Кончики его пальцев на мгновение коснулись кожи. Анна замерла. Прикосновение было почти невесомым. Но её дыхание заметно изменилось. Ричард увидел это. И почувствовал, как в нём самом поднимается желание, которое становилось всё труднее игнорировать.

Она стояла так близко, что он мог разглядеть мельчайшие оттенки её серо-зелёных глаз.

Мог увидеть, как слегка разомкнулись губы. Как напряглись пальцы. Он убрал руку. — Теперь правильно. Анна не двигалась. — Спасибо, сэр. Ричард посмотрел на неё. — Скажите мне одну вещь. — Да? — Вы действительно хотите узнать, что я собираюсь предложить? Она ответила не сразу.

Ей было страшно. Не столько из-за неизвестных правил, сколько из-за собственного нетерпения.

Она уже понимала, что предложение Ричарда может изменить привычные границы их общения.

И всё же сейчас ей хотелось одного. Чтобы разговор не заканчивался. — Да, — наконец ответила она. Ричард кивнул. — Хорошо. Он отошёл на шаг. — Тогда я всё обдумаю. А вы пока решите, готовы ли вообще рассматривать подобное предложение.

— Но я не знаю условий. — Именно поэтому сейчас не требую ответа. Анна опустила глаза. — А когда вы сообщите правила? — В ближайшее время. — И до тех пор… Она запнулась. — Что, Анна? — До тех пор всё останется как прежде? Ричард посмотрел на неё. — А вы хотели бы иначе? Она почувствовала, как к щекам приливает кровь. Как же легко он заставлял её говорить о том, что она предпочла бы скрыть. — Не знаю, сэр. Ричард улыбнулся. — Вот видите. Мы оба пока не знаем всех ответов. Он направился к письменному столу. — На сегодня достаточно. Анна замерла. Разочарование было почти болезненным. Неужели всё? Она провела столько часов в ожидании этой встречи. Столько раз представляла, что он скажет. И теперь, когда между ними наконец произошло нечто важное, Ричард просто отпускал её.

— Можете идти, Анна. Она опустила глаза. — Слушаюсь, сэр. Слова прозвучали тихо. Но на этот раз Ричард ясно услышал в них не только повиновение. Желание остаться. Он почувствовал сильный соблазн изменить собственное решение.

Позвать её обратно. Сказать, что она может провести здесь ещё некоторое время. Но вместо этого произнёс: — Доброй ночи.

Анна направилась к двери. Остановилась. Медленно обернулась. — Мистер Эшфорд? — Да? Она некоторое время молчала. Затем тихо спросила: — Вам действительно нравится, когда я говорю «слушаюсь»? Ричард посмотрел на неё. На его лице появилась едва заметная улыбка. — Да, Анна. Он выдержал паузу. — Значительно сильнее, чем вы предполагаете. Она почувствовала, как лицо вспыхнуло. — Доброй ночи, сэр. И вышла.

* * *

Ричард остался один. Несколько секунд смотрел на закрытую дверь. Затем медленно опустился в кресло. Он мог бы сейчас позвать её. Она вернулась бы. В этом он почти не сомневался. Но Ричард хотел, чтобы её решение было осознанным. Хотел услышать согласие не от растерянной женщины, захваченной силой мгновенного желания, а от Анны Рид, которая всё обдумала и сама решила сделать шаг навстречу.

И всё же ему неприятно было признаваться, насколько сильно он желал этого согласия.

Он взял бокал коньяка. Сделал небольшой глоток. Перед глазами стояла Анна. Её румянец. Её волнение. Её тихий голос. «Иногда мне нравится представлять, что я принадлежу вам». Ричард медленно закрыл глаза. Впервые за долгое время ему пришлось признать неприятную истину. Он уже не просто управлял развитием событий. Он сам становился их пленником.

VII. Ночь признания

Анна почти бежала по коридору. Ей хотелось скорее оказаться у себя. Закрыть дверь. Остаться одной. Она чувствовала такое сильное волнение, что боялась встретить кого-нибудь из прислуги. Наверняка по её лицу можно было догадаться, насколько

необычным оказался вечер.

Добравшись до спальни, Анна вошла, повернула ключ в замке и прислонилась спиной к двери.

Некоторое время стояла неподвижно. Сердце колотилось. Щёки горели. В голове звучали слова Ричарда. «Мне нравится, когда вы так отвечаете». «Вы меня интересуете». «Значительно сильнее, чем вы предполагаете». Она закрыла глаза. Господи. Он хотел её. Не просто находил красивой. Не просто восхищался её осанкой. Не просто относился к ней как к чему-то особенному среди принадлежащих ему вещей.

Он признался, что испытывает к ней влечение. Анна медленно подошла к зеркалу. Посмотрела на собственное отражение. Высокая причёска немного растрепалась. На щеках ещё оставался румянец. Она расстегнула жакет. Сняла его. Затем осторожно освободила волосы, позволив густым тёмным прядям рассыпаться по плечам.

Чокер остался на шее. Анна провела пальцами по маленькой золотой букве. И неожиданно улыбнулась. — Значит, я вам нравлюсь, мистер Эшфорд… Она произнесла это почти торжествующе. Но улыбка быстро исчезла. Потому что ей вспомнилось другое. Предложение. Игра. Правила, которых она пока не знала. Ричард предлагал ей совершенно необычные отношения. Такие, в которых она могла бы добровольно отдать ему часть власти над собой.

Ещё совсем недавно подобная мысль вызвала бы негодование. Она назвала бы его безумцем. Самоуверенным тираном. Человеком, который привык покупать чужое послушание деньгами. Но теперь всё происходило иначе. Он предоставил ей возможность отказаться. И Анна неожиданно обнаружила, что боится вовсе не необходимости сказать «нет».

Её пугало собственное желание произнести «да». Она медленно села перед зеркалом. В памяти всплыла сцена в кабинете. Ричард приближается. Поправляет чокер.

Его пальцы ненадолго касаются шеи. Она замирает. И слышит негромкое: «Теперь правильно». Какое же это было странное чувство. От одного воспоминания Анна ощутила знакомый жар. Она поднялась, переоделась и легла в постель. Но сон не приходил. Всё тело оставалось напряжённым после пережитого волнения. Мысли снова и снова возвращались к мужчине, находившемуся всего несколькими комнатами ниже.

Анна представляла, что разговор мог продолжиться. Что он не отпустил её. Что попросил остаться. В её воображении Ричард стоял совсем близко. Смотрел прямо в глаза. Произносил её имя. И она отвечала: «Слушаюсь, сэр». От этой фантазии становилось жарко. Анна перевернулась на спину. Посмотрела в потолок. — Невозможно, — прошептала она. Она никогда не испытывала подобного влечения. Ей хотелось Ричарда не только как красивого, сильного мужчину. Её возбуждала мысль о его власти. О том, что он способен одним коротким распоряжением заставить её сердце биться быстрее.

О том, что она сама хочет отвечать ему покорно. И особенно — о том, что ему это нравится. Анна закрыла глаза. Некоторое время пыталась успокоиться, но затем перестала бороться с собственными чувствами.

Оставшись одна, Анна медленно опустилась на край дивана. Дыхание уже сбилось, в груди теснилось что-то горячее и тяжёлое. Она раздвинула ноги, провела ладонью по внутренней стороне бедра — кожа была горячей, почти чувствительной до боли. Коснулась себя. Тру-

сики были насквозь мокрые, ткань прилипла к губам, и от этого простого прикосновения по низу живота пробежала острая дрожь. Она отодвинула их в сторону и провела пальцами по набухшим, скользким складкам. Всё там было распухшим, тёплым и пульсирующим. Клитор казался тяжёлым, горячим, почти отдельным от неё. Анна надавила на него подушечкой большого пальца, круговыми движениями, и сразу тихо застонала — от облегчения и от того, как сильно ей этого не хватало.

Она представила, как Ричард входит в комнату. Без слов. Берёт её за горло — крепко, но не до боли, большим пальцем под подбородком. Она откидывает голову, чувствует, как сердце бьётся прямо под его ладонью, и он укладывает её спиной на стол. Одним резким движением срывает с неё трусики, рвёт тонкую ткань. Раздвигает ей ноги шире, чем она сама может, и входит сразу, до конца, одним толчком. Она чувствует, как его член растягивает её, как он тяжёлый и

твёрдый внутри, как от этого наполнения у неё перехватывает дыхание и в глазах темнеет.

Анна ввела в себя два пальца. Сразу глубоко, грубо. Начала двигать ими быстро, в том же ритме, в каком представляла его бёдра. Другой рукой она продолжала тереть клитор — сильно, почти до боли. Пальцы внутри скользили легко, она была вся мокрая, и каждый толчок отдавался влажным звуком и тугой волной по всему телу. Она представляла, как Ричард держит её за горло и трахает именно так: резко, без нежности, прижимая к столу. Как он стонет ей в ухо, что она его. От этой мысли внутри всё сжалось, стало ещё жарче и теснее. Анна ускорилась, пальцы двигались жёстко, клитор горел. Она сжала себя изнутри, представляя, как он кончает в неё, и сорвалась в оргазм — короткий, сильный, с дрожью в бёдрах, сладкой болью внизу живота и тихим, сдавленным стоном, в котором смешались облегчение и жадная, ещё не насытившаяся тоска.

Она уже не пыталась убеждать себя, будто это лишь любопытство или временная симпатия.

Это было сексуальное желание. Сильное. Настойчивое. Смущавшее её своей новизной. Позже, когда возбуждение улеглось и дыхание постепенно выровнялось, Анна долго лежала в тишине, прислушиваясь к далёким звукам дома.

Она чувствовала облегчение. Но мысли оставались беспокойными. Ей было немного стыдно. Не за то, что она позволила себе интимный момент в одиночестве. В этом не было ничего необычного.

Стыд вызывало другое. Человек, которого она ещё недавно считала невыносимо властным, теперь занимал почти всё пространство её фантазий.

И она уже не могла представить собственное желание без его голоса. Анна повернулась на бок. Коснулась чокера. Украшение было прохладным. Она осторожно провела пальцами по золотой букве R. — Если бы вы знали, Ричард… — прошептала она. Но тут же вспомнила, как внимательно он наблюдал за ней. Как точно угадывал её чувства. Как спокойно говорил о желаниях, которые она сама едва решалась признать. Возможно, он действительно знал. И эта мысль неожиданно заставила её улыбнуться.

* * *

Однако вскоре пришло сомнение. Что произойдёт, когда Ричард наконец сообщит свои правила? Сумеет ли она отказаться, если какое-нибудь требование окажется для неё неприемлемым?

Не станет ли бояться потерять то особенное внимание, которое он теперь ей уделял? Анна попыталась представить собственную жизнь до Эшфорд-Мэнор.

Маленькая съёмная квартира.

Бесконечные счета. Одиночество. Работа. Постоянные попытки убедить себя, что она ни в ком не нуждается. Теперь у неё были прекрасная комната, красивые вещи, финансовая уверенность.

И мужчина, способный одним взглядом пробудить чувства, о существовании которых она прежде даже не подозревала.

Но вместе с этим появлялась опасность. Анна начинала понимать, насколько сильно её настроение зависит от Ричарда.

От его расположения. От голоса. От присутствия. От одного простого слова: «Хорошо». Она вспомнила предупреждение Маргарет. «Не принимайте важных решений только потому, что вам хочется понравиться другому человеку».

Анна нахмурилась. Пожилая женщина была права. Разумеется, права. Но разве желание подчиняться обязательно означает слабость? Разве женщина не может добровольно выбрать мужчину, которому хочется довериться?

Разве любовь и независимость непременно должны исключать друг друга? Она не знала. Возможно, всё зависело от самого мужчины. И от того, что он собирался потребовать. Анна глубоко вздохнула. Ей хотелось верить, что Ричард не обманет её доверия. Но она слишком хорошо знала жизнь, чтобы считать одного желания достаточной гарантией.

И всё же сейчас мысль о предстоящем предложении вызывала гораздо больше волнения, чем страха.

Она натянула одеяло до плеч. Закрыла глаза. И прошептала: — Я хочу узнать ваши правила, Ричард. Затем после долгой паузы добавила: — Но я хочу сама решить, соглашаться ли с ними. В этой последней мысли оставалось нечто от прежней Анны Рид. Женщины, которая привыкла бороться за право распоряжаться собственной жизнью.

И которая теперь впервые всерьёз задумалась, можно ли добровольно доверить кому-то свою власть над собой — не потеряв при этом себя.

VIII. Человек, который не умел проигрывать

В это же время Ричард Эшфорд сидел в кабинете. Он давно должен был отправиться спать. На столе лежали документы, требовавшие подписи, но впервые за много лет работа не привлекала его внимания.

Он думал об Анне. Его память с раздражающей точностью возвращала каждую подробность прошедшего разговора.

Как она вошла. Как стояла возле кресла. Как пыталась скрыть волнение. Как краснела, когда он задавал прямые вопросы. Ричард вспомнил её слова: «Иногда мне нравится представлять, что я принадлежу вам». Он медленно провёл ладонью по лицу. Желание обладать этой женщиной становилось всё сильнее. Но теперь его занимало не только физическое влечение. Он хотел проникнуть в её мысли. Понять, чего именно она желает. Узнать, сможет ли принять его власть не из страха, а по собственному выбору. Ему хотелось стать для Анны человеком, перед которым ей больше не потребуется притворяться.

И одновременно Ричард желал, чтобы именно ему принадлежало право определять границы их особенного мира.

В этом противоречии он пока не видел всей опасности. Он был убеждён, что умеет управлять людьми. Умеет рассчитывать последствия. Умеет отличать желание от необходимости. Но сегодня, наблюдая за Анной, впервые понял, что её отказ способен причинить ему настоящее страдание.

Мысль оказалась неприятной. Почти оскорбительной. Ричард никогда не любил зависеть от чужих решений. А теперь всё будущее его отношений с Анной зависело от одного слова, которое должна была произнести она сама. «Да». Или:

«Нет». Он медленно поднялся. Подошёл к окну. Внизу темнел сад. Где-то наверху, в своей спальне, находилась Анна. Возможно, уже спала. Возможно, думала о нём. Возможно, представляла их будущую игру. Ричард позволил себе короткую улыбку. Ему нравилось воображать, что она не может уснуть из-за него. Но следом пришла неожиданная мысль. А ведь он сам уже несколько часов не способен думать ни о чём другом. Он стоял у окна, глядя в темноту.

И впервые почувствовал, что его тщательно выстроенный мир начинает меняться.

Ричард Эшфорд всю жизнь считал власть способностью заставлять других людей поступать по его воле.

Но теперь существовала женщина, которой он сам предложил право отказаться.

И неожиданно обнаружил, что хочет услышать её согласие сильнее, чем когда-либо хотел получить какую-либо вещь.

Он вернулся к письменному столу. Открыл кожаный блокнот. Некоторое время смотрел на чистую страницу. Затем написал два слова: «Правила игры». Остановился. И закрыл блокнот. Нет. Сейчас он ещё не был готов. Прежде чем устанавливать правила для Анны, ему следовало понять кое-что о самом себе.

Чего он действительно хочет? Послушную женщину? Преданную любовницу? Прекрасную спутницу, которая добровольно признаёт его власть? Или человека, без которого он сам постепенно перестаёт представлять собственную жизнь?

Ричард погасил настольную лампу. В комнате остался только свет камина. — Посмотрим, Анна, — тихо произнёс он. Но на этот раз в его голосе не было привычной абсолютной уверенности. Потому что впервые за много лет Ричард Эшфорд начинал игру, исход которой зависел не только от него.

И это тревожило его почти так же сильно, как возбуждало предвкушение. Конец главы VI.

Глава VII. Правила игры

I. Человек, который привык устанавливать правила

Ричард Эшфорд сидел за письменным столом и внимательно перечитывал исписанные листы бумаги. Он был недоволен. Не содержанием. Содержание почти полностью соответствовало тому, что он хотел. Его раздражало другое: необходимость объяснять собственные желания.

В обычной жизни Ричард редко кому-либо объяснял причины своих решений. Он руководил компаниями, распоряжался значительными средствами, заключал многомиллионные сделки. Люди приходили к нему за указаниями, разрешениями, одобрением. Его слово имело вес, а распоряжения выполнялись зачастую раньше, чем он успевал проверить их исполнение. С Анной всё оказалось значительно сложнее. Он мог приказать ей приготовить кабинет, принести документы, проверить счета или организовать приём. Но не мог приказать желать его.

Не мог заставить испытывать удовольствие от собственного подчинения. Вернее, заставить внешне повиноваться он, вероятно, сумел бы. Деньги, положение, зависимость от работы давали ему достаточно возможностей. Однако именно такого повиновения он не хотел. Ричард презирал притворство. Ему нужна была не испуганная служанка, механически выполняющая распоряжения.

Он хотел женщину, которая сама, совершенно добровольно, признает его власть. Которая будет ждать его приказов. Искать его одобрения. Испытывать желание повиноваться. И получать от этого удовольствие.

Он отложил ручку. Перед глазами возникла Анна. Её длинные тёмные волосы. Изящная шея, украшенная чёрной кожей чокера. Глаза, в которых удивительным образом сочетались гордость и робость. Особенно Ричарду нравилось, как менялось выражение её лица, когда она произносила: «Слушаюсь, сэр».

Она словно сама удивлялась этим словам. Пыталась сохранить достоинство, но не могла скрыть волнения. Ричард прекрасно видел её реакцию. И эта реакция действовала на него сильнее любого открытого соблазнения. Он испытывал желание приблизиться к ней, коснуться её лица, почувствовать ответную нежность.

Но ещё сильнее хотелось наблюдать, как она сама делает шаг навстречу. Он посмотрел на документ. Вверху стоял заголовок: «Предварительные условия личного соглашения».

Ричард усмехнулся. Всё выглядело почти как деловой контракт. Впрочем, почему почти? Он действительно собирался заключить соглашение. Не юридическое обязательство, превращающее человека в собственность, а личную договорённость между двумя взрослыми людьми.

С той лишь разницей, что один из них хотел управлять. А другая, по всей видимости, начинала этого желать. Он снова взял ручку. Внизу последней страницы дописал: «Принятие настоящих условий не лишает ни одну сторону права прекратить соглашение».

Некоторое время рассматривал эту фразу. Разумеется, Анна должна иметь

возможность отказаться. И всё же Ричарду неприятно было даже представлять, что однажды она воспользуется этим правом. Он захлопнул папку. Это чувство следовало держать под контролем.

Он поднял телефонную трубку. — Маргарет, пригласите ко мне мисс Рид. К восьми вечера. И передайте, что разговор будет личным.

— Хорошо, сэр. Ричард положил трубку. Посмотрел на закрытую папку. И неожиданно почувствовал волнение, совершенно не свойственное человеку его положения. Сегодня Анна должна была узнать, чего именно он от неё хочет.

II. Ожидание

Анна получила приглашение в малой столовой, где проверяла подготовку серебряных приборов к предстоящему ужину. Услышав слова Маргарет, она едва заметно вздрогнула.

— Сегодня? — Да, дорогая. В восемь. — Он сказал, зачем вызывает? Маргарет посмотрела на неё. — Разговор личного характера. Анна почувствовала, как сердце забилось быстрее. Личного. Значит, дело не касалось работы. Значит, Ричард действительно подготовил правила. Она машинально коснулась чокера.

Маргарет заметила этот жест. — Вы уверены, что знаете, чего хотите, Анна? Вопрос прозвучал неожиданно серьёзно. Анна помедлила. — Мне кажется, начинаю понимать. — Это разные вещи, дорогая. Желать чего-то и понимать последствия собственного желания.

Анна опустила глаза. — Я знаю. — Надеюсь. Маргарет взяла папку и направилась к выходу. У самой двери остановилась. — И ещё одно. Анна подняла голову. — Да? — Не забывайте, что мистер Эшфорд не привык слышать слово «нет». — Он сказал, что я могу отказаться. — Я рада, что он это сказал. Маргарет помолчала. — Надеюсь, он окажется способен принять это не только на словах. Когда дверь закрылась, Анна ещё некоторое время стояла неподвижно. Предупреждение было разумным. Даже необходимым. Но оно не уменьшило её желания узнать, что приготовил Ричард. Напротив.

Мысль о предстоящем разговоре вызывала в ней всё более сильное возбуждение. Анна уже не могла объяснять происходящее простой симпатией. Ей нравился Ричард как мужчина. Нравились его высокий рост, уверенные движения, широкие плечи, спокойный голос. Нравилось, как он носил дорогие

костюмы, как слегка приподнимал бровь, когда бывал недоволен, как смотрел прямо в глаза, не отводя взгляда. Она хотела его близости.

Но сильнее всего её волновала мысль, что этот необыкновенно властный человек собирается предложить ей добровольно принять его руководство даже в тех обстоятельствах, где прежде она никому не позволяла вмешиваться. Анна чувствовала жар в щеках. Её пугало, насколько сильно она ждала предстоящего разговора. И насколько мало ей хотелось услышать что-нибудь, способное разрушить это ожидание.

* * *

Перед встречей она переоделась. Не потому, что Ричард требовал этого. Он вообще не давал никаких указаний относительно её внешнего вида. Но Анне хотелось предстать перед ним красивой. Она выбрала строгое чёрное платье с приталенным силуэтом. Волосы собрала наверх, оставив несколько мягких прядей возле лица.

Чокер остался на шее. В зеркале отражалась привлекательная женщина, явно готовившаяся не к обычному разговору с работодателем. Анна долго рассматривала себя. Её взгляд остановился на золотой букве R. Она вспомнила, как сначала отвергла этот подарок.

Как возмущалась самоуверенностью Ричарда. И как затем сама надела украшение, неожиданно обнаружив, что ей приятно ощущать его на своей шее.

— Господин, — тихо произнесла она, словно пробуя новое обращение. Затем покраснела. Слово звучало непривычно. Но одновременно будило фантазии, в которых Ричард смотрел на неё своим требовательным взглядом, а она отвечала ему спокойно и покорно. Анна закрыла глаза. Внутри снова возникло то особенное тепло, которое она уже научилась узнавать.

Сексуальное возбуждение. Она больше не пыталась отрицать его. Однако теперь желание сопровождалось тревожным вопросом: сможет ли она оставаться собой, если действительно примет предлагаемые условия? Часы показали без пяти восемь. Анна расправила плечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.